

2009

ВЫПУСК 1 ТОМ 2

ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

www.discourseanalysis.org

[СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ]

Методология: эмпирические импликации

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Выпуск 1, том 2, 2009

Электронный журнал

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, к.филол.н., доц. кафедры журналистики и связей с общественностью БелГУ

Переверзев Егор Викторович, к.филол.н., сотрудник управления по международным связям БелГУ

Борисов Сергей Николаевич, к.филол.н., доц.кафедры философии БелГУ

Оберемко Олег Алексеевич, к.соц.н., с.н.с. Института социологии РАН РФ.

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета.

Тягунова Татьяна Васильевна – н.с. Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета.

Центр коммуникативных и медийных исследований «Медиаперспектива»
Белгородского государственного университета

Контакты:

dva@bel.ru (Кожемякин Е.),

egorpereverzev@gmail.com (Переверзев Е.),

SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов С.).

Интернет-страница журнала: www.discourseanalysis.org

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕГ ОБЕРЕМКО. ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА И ЖАНРА НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на примере публикации «Кризис либерализма в России» за подписью М. Ходорковского) 3

EGOR PEREVERZEV, YEVGENY KOZHEMYAKIN. NEW RUSSIAN IDENTITY IN PRESIDENT'S NEW YEAR'S ADDRESS TO THE NATION 24

ТЁН ВАН ДЕЙК. ВОИНСТВУЮЩАЯ РИТОРИКА МЕЛКОГО СОЮЗНИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТУРЫ И ЛЕГИТИМАЦИЯ АСНАРОМ ВОЙНЫ В ИРАКЕ (перевод А.М.Аматова) 38

SVIATLANA SAVANOVICH, EGOR PEREVERZEV. DISCOURSE APPROACH TO COORDINATION OF INTERNATIONAL BUSINESS PROJECTS (based on industrial construction project between Chinese private company XY group and Belarusian state-run concern Bellesbumprom) 64

ОЛЕГ ОБЕРЕМКО

**ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА И ЖАНРА НА
ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(на примере публикации «Кризис либерализма в России» за подписью
М. Ходорковского)**

(Опубликовано: Телескоп. СПб., 2006. № 1.) (см. прим.1)

Публикация от 29 марта 2004 года в «Ведомостях» за подписью М. Ходорковского, стала знаменательным событием, получившим широкий резонанс. Общественное мнение было некоторое время взбудоражено не только остротой содержания, но и статусом заявленного автора — содержащегося в СИЗО олигарха — тайной появления и авторства публикации.

Материалом для анализа послужили 12 письменных рецензий на публикацию (см. прим.2), собранных Институтом «Фонд общественное мнение» в течение апреля–мая 2004 г. В качестве рецензентов выступали «лидеры мнений»: журналисты, социологи и представители других профессий, в основном проживающие в областных центрах средней полосы России. В терминах теории информационного дефицита — это «привилегированные», квалифицированные читатели (Назаров, 2004: 204) (см. прим.3).

Рецензентам для самозаполнения предлагался стандартный гайд, содержащий, в соответствии со структурой рецензируемой публикации, четыре основных раздела и вводную часть, в которой задавались вопросы об общей оценке публикации. В основных разделах предлагалось аргументировать (не)согласие с тезисами публикации.

Учитывая, что (а) авторами рецензий явилась относительно однородная группа читателей, (б) предмет сообщения ограничивался объектом рецензирования и вопросником, (в) в заочной коммуникации использовался один и тот же канал — письменный текст, в качестве объекта анализа заявляется *дискурс*, а в качестве предмета — правила декодирования стимула-публикации, проявившиеся в дискурсе ответов на вопросы гайда. Под дискурсом в данном случае понимаются «некоторые единые правила описания предмета сообщения, которые определяются общностью установок индивидов, участвующих в коммуникации, ... характеризует социально обусловленные типы ценностей или способы мышления, которые находят выражение в текстах...» (Назаров, 2004: 66).

Анализируемый дискурс состоит из текстов рецензий; реконструируя каждый вариант интерпретации, мы сопоставляли различные элементы текста рецензии. Мы исходили из того, что производитель текста — относительно обособленной семиотической системы парадигматических и синтагматических отношений — вынужден считаться с тем, что «коммуникация в конкретной предметной области предполагает использование принятой системы кодов»: «любой текст организован в

соответствии с кодами, отражающими определенные ценности, установки, практики» (Назаров, 2004: 76). Дискурсивные коды задают основные параметры производства и потребления текстов как относительно обособленных внутри дискурса систем. Дискурс имеет полемологическую природу: в его становление участники коммуникации вносят вклады своими интерпретациями (текстами), однако производство индивидуальной интерпретации подчиняется принятым дискурсивным правилам (кодам).

В анализе мы опирались на широкий семиотический подход, в котором «курс исследования смещается к системам правил, которые в целом управляют дискурсом» (Уоллакот, Назаров, 2004: 267), в нашем случае, управляют процессом декодирования (см. прим. 4).

При интерпретации мы прибегали к процедуре «насыщения» данных, при которой сознательно шли на усиление — иногда на гиперболизацию — трактуемых элементов текста. Мы не ставили цель реконструировать индивидуальные особенности интерпретаций, а стремились к обнаружению *типических* интерпретативных правил. Надеяться на их обнаружение в индивидуальных рецензиях, с нашей точки зрения, позволяют три особенности ситуации потребления письменного текста, отмеченные Н. Постманом: «Борьба автора и читателя с семантическим смыслом предъявляет серьезные требования к их интеллекту. Это особенно так в случае чтения авторов, которым не всегда доверяют. Авторы лгут, преувеличивают, жестко обходятся с логикой, а порой и со здравым смыслом. Читатель ... [поэтому] должен находиться в состоянии вооруженности и серьезной интеллектуальной готовности... чтение уже по своей природе является серьезным занятием... [и] в значительной степени *рациональной деятельностью* (курсив. — О.О. (см. прим. 5))» (Постман, Назаров, 2004: 275).

В приведенной цитате, во-первых, подчеркивается элемент соревновательности между автором и читателем; последний не просто впитывает письменный текст как губка, но является активным деятелем. Во-вторых, в этой «борьбе» ведущая роль отводится интеллекту, что позволяет рассматривать чтение как рациональную деятельность. Именно в исследовании рациональных действий можно надеяться на обнаружение типических образцов интерпретации.

При кодировании рецензентов мы использовали 2 параметра. Первый параметр — тип прочтения публикации. В соответствии с классификацией, предложенной С. Холлом, выделяются три возможных варианта отношения к тексту как к целому:

- 1) «доминирующее» прочтение: «читатель полностью разделяет коды текста», код кажется естественным и очевидным;
- 2) «переговорное» прочтение: читатель иногда модифицирует восприятие текста в соответствии со своими ценностными предпочтениями;
- 3) «оппозиционное» прочтение: читатель понимает, но не принимает доминирующие коды и постоянно «держит в уме альтернативную систему соотнесения» (Hall, Назаров, 2004: 78).

На основании анализа вводной части рецензий мы выделили 6 рецензентов, выразивших положительное отношение к публикации, и присвоили им номера от 11 до 16 (первая цифра обозначает положительное отношение, вторая — порядковый

номер рецензента), 3 рецензента выразили противоречивое отношение — номера от 21 до 23 — и еще 3 рецензента выразили отрицательную оценку — номера 31–33. Положительное отношение мы диагностировали по однозначной позитивной оценке. Вывод о «противоречивом отношении» к публикации делались по прямым указаниям на противоречивость впечатлений, употреблению союза «но» и синонимичных конструкций и частому несогласию (в основной части рецензии) с положениями публикации. К негативно оценившим читателям мы отнесли тех, кто указал на значительный «зазор» между предполагаемыми «истинными» мотивами публикации и буквально выраженным содержанием.

На основании ответов на специальный вопрос о перспективах либерализма в современной России мы добавили к коду рецензентов литеру «л», если они презентировали себя как сторонников либерализма, литерой «а» мы отметили «антилибералов». Встретившуюся точку зрения, согласно которой идеи либерализма в стране, где люди трудно живут, неактуальны, мы определили как «антилиберальную».

Выбор структурных элементов для анализа: жанр и авторство

Жанр

Первый критик: Какого жанра эта пьеса? ... Что это — комедия или трагедия? Фарс или мелодрама? Какая-нибудь чепуха для репертуарного театра или настоящая модная пьеса?

Второй критик: Разве вы не можете судить на основании того, что вы видели?

Первый критик: Видеть-то я видел, но откуда мне знать, как нужно к ней отнестись?

(Б. Шоу «Первая пьеса Фанни» (Шоу, 1956: 193))

Гайд для рецензентов начинался с двух вопросов: «Какое Ваше общее впечатление от данного *текста*?» и «В чем, по Вашему мнению, состоит *главная идея текста*?». Отвечая на эти *обобщенные* вопросы, *все* рецензенты *спонтанно* затрагивали *проблему жанра*: либо прямо определяли жанр публикации (статья, письмо, исповедь), либо указывали на ее основные функции (коммуникативные задания); по этим функциям реконструировалось жанровое восприятие.

Возможно, рассуждения о жанре стимулировалось сухим, нарочито нейтральным словом «текст», содержащимся в вопросах гайда, и, начиная разговор о публикации, рецензенты просто хотели ее как-то назвать. Если так, то в жанровых квалификациях следовало бы видеть не результат «интеллектуальной борьбы» при чтении, а эффект вопроса.

Однако внимание читателей к «проблеме жанра» при обсуждении «главной идеи текста» вполне согласуется с теоретическими представлениями литературоведов, журналистов, исследователей коммуникации о процессе понимания/декодирования текстов. Принципиальное значение для интерпретации текста в рамках семиотических подходов имеет «выявление цели обращения коммуникатора к аудитории, определение «послания»» (Назаров, 2004: 217). Жанр во многом

определяет смысл выраженного в тексте предметного содержания, которое у разных текстов могут быть одинаковы. Например, у проникновенно-интимной лирики и у скабрезного анекдота может быть один и тот же референт — они могут описывать одно и то же *реальное* событие, и именно жанровое своеобразие описания определяет эффект воздействия на читателя.

Почувствовать жанровую разницу изящно дает, например, У. Эко, который сначала приводит лимерик Э. Лира:

Каждый вечер старушка в Перу
Мужу плюшки пекла на пару;
Но однажды, того,
Испекла и его —
Невезучий старик из Перу!

а затем предлагает воображаемую версию пересказа для «Нью-Йорк Таймс»: «Лима, 17 марта. Вчера Альваро Гонсалес Баррето (41 год, двое детей, счетовод Химического банка Перу) был непредумышленно запечен в пароварке супругой, Лолитой Санчес Мединачели...» (Эко, 2002: 64).

Жанр не просто направляет процесс декодирования текста; при жанровой неопределенности коммуникация вообще может не состояться. Ссылаясь на процитированный выше эпизод из комедии Б. Шоу, где критик отказывается судить о первом опыте начинающего автора, потому что не может понять, в каком жанре он задумывался, Л.В. Чернец пишет: «Эта парадоксальная критическая поза подчеркивает явление, которое называют жанровым ожиданием (разрядка. — Л.Ч.); критик, как и читатель, склонен оценивать новое произведение по «законам жанра», выводимых из предшествующих образцов» (Чернец, 1982). Таким образом, декодирование жанра является важнейшим условием успешной коммуникации между автором письменного текста и читателем: и специалистом, и «профаном».

В рецензиях мы нашли следующие определения жанра публикации:

- «честная, глубокая, выстраданная, объективная статья» (см. прим. 6) (11л),
«искренний призыв к реальному формированию стратегии развития страны» (12а),
«откровенная попытка проанализировать ситуацию», «довольно любопытные рассуждения», «кто виноват и что делать?» (13л),
«покаяние» (14л),
«письмо», [анализ], «исповедь» (15л),
«статья», «своевременное и откровенное обращение к сторонникам либеральной идеи», «письмо», [программа действий], «PR-акция», «оправдание» (16л),
«попытка анализа», «типичный разбор полетов», [программа действий] (21а),
«попытка проанализировать», «неискреннее покаяние», «попытка объяснить причины... и обозначить пути выхода...» (22а),
«явка с повинной» (23л),
«размышления», «обращение к единомышленникам», «ложное покаяние» (31а),
«статья», [неудачный] «манифест», «покаяние перед властью», «обращенный к олигархам призыв работать вместе с Президентом» (32л),
«текст», «произведение» (кавычки — рецензента), «апология складывающегося политического режима» и «дискредитация либеральных политиков, российского

бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Из приведенных формулировок видно, что публикация в жанровом отношении воспринималась эклектично; согласия по поводу главной идеи нет не только среди читателей, но иногда и «среди одного» читателя.

Некоторые формулировки содержат признаки статьи (16л, 32л), в которой была сделана попытка проанализировать (13л, 15л, 21а, 22а), объяснить причины кризиса и обозначить пути выхода из него (22а). Эта квалификация вполне соответствует коммуникативному заданию **аналитической статьи**, которая «*объясняет читателям... общественную... и личную значимость актуальных процессов..., их причинно-следственные связи и... инициирует читательские размышления, ... служит основой для выработки идей, ...предваряющих принятие практических мер*» (Гертычный, 2002: 150) (см. прим. 7). Жанр статьи требует от автора объективности, личной незаинтересованности (почти как в постулатах научного этоса Р. Мертон) и следования «интересу эпохи» (в веберовском смысле), социологического видения обсуждаемых проблем.

Определения «честная, глубокая, выстраданная, объективная статья» (11л) и «откровенная попытка проанализировать ситуацию» (13л) нужно считать эклектичным, поскольку оно имплицитно указывает на преобладание авторской позиции и авторской лаборатории: страдал и честно отразил.

Основу эссе составляет «*рассуждение автора*». В эссе «*особым образом* излагается определенная концепция, некая «теория», вытекающая из познания ряда *лежащих «на поверхности бытия»* явлений, *общие суждения и выводы преобладают* над фактическим материалом, и нередко это преобладание оказывается подавляющим. «Но данное обстоятельство нельзя считать недостатком..., поскольку авторы... *не ставят перед собой задачи — проанализировать конкретные проблемы, ... предложить необходимые [для их скорейшего решения] меры*. Конкретные факты для таких публикаций — *лишь повод для общих рассуждений*». Эти рассуждения «*не могут быть быстро воплощены в жизнь...* [Смысл эссе в том, что] эссеист как бы заставляет аудиторию на миг «остановиться, оглянуться», чтобы увидеть: в ту ли сторону мы идем? Правильно ли поступаем в своих синоминутных делах? Совпадают ли они «по вектору» с главными ценностями жизни, тенденциями ее развития?» (Гертычный, 2002: 213, 216, 217). То есть, в отличие от статьи, которая пишется на (новом) фактическом материале, эссе целиком пронизано субъективностью автора, который известным фактам дает оригинальную интерпретацию. Публикацию в жанре эссе увидели те читатели, которые определили ее как «размышления» (31а) и «довольно любопытные рассуждения» (13л) и указали на отсутствие новизны в публикации (31а, 32л, 33л).

Сложнее соотношения между жанрами **письма** и **исповеди**.

«Письмом» публикация была названа дважды (15л, 16л). Для **письма** характерны следующие признаки: оно имеет форму «непосредственного обращения автора к адресату» и содержит «стремление автора *побудить адресата к неотложным действиям*»; «своим письмам... составители часто *доверяют самые сокровенные помыслы*. Поэтому они полагают, что и в письмах других людей тоже можно иногда прочесть то, что *те думают на самом деле*» (Гертычный, 2002: 222-223).

Таким образом, в письме автор не должен быть ни объективным (как в статье), ни оригинальным (как в эссе), но искренним; и должен призывать к действию. Этим

признакам соответствуют следующие характеристики: «искренний призыв к реальному формированию стратегии развития страны» (12а), «своевременное и откровенное обращение к сторонникам либеральной идеи» (16а), «обращение к единомышленникам», «обращенный к олигархам призыв работать вместе с Президентом» (32а).

Предметом **исповеди** является «внутренний мир» автора, а основным методом — самоанализ (Гертычный, 2002: 229). Исповедальные мотивы публикации отмечены следующие определения: «покаяние» (14а), «исповедь» (15а), «неискреннее покаяние» (22а), «явка с повинной» (23а), «ложное покаяние» (31а), «оправдание» (16а), «покаяние перед властью» (32а).

Сравнение жанровых характеристик, отнесенных нами к жанрам письма и исповеди, показывает диаметрально противоположность в оценках по критерию «искренность–неискренность». По-видимому, *те рецензенты, которые настроились на чтение письма, увидели в публикации «искренний призыв» и «откровенное обращение», а некоторые рецензенты, которые увидели в публикации исповедь, напротив, подметили ее ложность.* Попробуем найти причину расхождений в оценках по одному и тому же параметру в особенностях этих двух жанров.

Как и А. Гертычный, М. Уваров в жанровой характеристике исповеди отталкивается от предельного случая — религиозной исповеди. Именно ей свойствен мотив подведения итогов, актуального «не только в сферах зримых, вещных, но и в тех предельно напряженных областях духовного опыта, которые даруются *честным, искренним и не терпящим гордыни* словом исповеди» (Уваров, 1998: 5).

Если обратиться к тексту публикации, то мы не найдем в ней, ни развернутой картины внутреннего мира автора, ни самоанализа (по А. Гертычному), ни развернутых описаний духовного поиска (по М. Уварову). Поэтому можно сделать вывод, опираясь на восприятие публикации рецензентами и теорию жанров, что письмо может не содержать ни самоанализа, ни «добровольного признания в совершенных неблагоприятных поступках», из-за чего «человек может испытывать мучительные переживания, снять которые и должна религиозная исповедь» (Гертычный, 2002: 229). Искренний, откровенный призыв в письме, по-видимому, может прочитываться и без демонстрации духовных исканий.

Между тем, жанр исповеди знает не только религиозную разновидность, но и публичную. Публичная исповедь в СМИ, по А. Гертычному, имеет совсем иные функции: (1) объяснить необычный поступок, (2) показать пример преодоления беды, (3) поделиться опытом успешной карьеры, (4) *сделать саморекламу* (Гертычный, 2002: 229-230). Именно последнюю разновидность послания уловил один из рецензентов — «PR-акция» (16а), — что не помешало ему в целом позитивно отнестись к публикации.

М. Уваров также упоминает жанр публичной исповеди: «Исповедоваться *вдруг* начинает каждый второй политик... “Исповедующиеся” не замечают, как сбиваются на менторский тон, *подменяют интимное слово исповеди словом публичной проповеди*» (Уваров, 1998: 10).

Казалось бы, оба процитированных специалиста вместе с рецензентами однозначно отличают «истинную» исповедь от «ложной»; может сложиться впечатление, что «ложная», публичная исповедь-проповедь буйно заколосилась

только в последние годы. Однако оказывается, что, например, в классической русской литературе есть множество примеров, когда «исповедь становится как бы скрытой проповедью, и наоборот» (Уваров, 1998: 27). Более того, интерпретируя одну из картин Эль Греко, на которой изображены Апостолы Петр и Павел, М. Уваров делает следующее обобщение: «для апологетической [религиозной] доктрины... *исповедь предполагает идею проповеди*» (Уваров, 1998:30).

Таким образом, дело не в том, что смешение исповеди и проповеди есть признак новорусского дурновкусия и духовного разложения, а в том, *кто* — автор, и верит ли ему читатель как «право имеющему».

Проповедь, как и письмо, содержит призыв к действию; поэтому без привлечения более широкого материала мы не можем сказать, какой из этих двух жанров прочитали рецензенты в публикации, выделившие в качестве основной идеи программу действий (16л, 21а), [неудачный] «манифест» (32л) и «что делать?» (13л).

В любом случае, если бы была техническая возможность вернуться в ситуацию письменного опроса рецензентов, вооруженные теорией жанров мы бы знали, какие уточняющие вопросы надо было бы задать.

Последний необходимый для анализа жанр — жанр памфлета. «В журналистике под **памфлетом** понимают сатирическое произведение, нацеленное на осмеяние определенных человеческих пороков и *уничтожение того героя (героев), который представляется автору носителем опасного общественного зла*» (Гертычный, 2002: 273). Специалисты указывают на огромное разнообразие памфлетного жанра и его гибридных форм. Однако всему спектру памфлетных форм свойственны: *обличительная* направленность на социально-значимый объект (предметом является социально-комическое, и никогда — элементарно-комическое); *злободневность* и острое политическое звучание; *тенденциозность* (эмоционально-логическое воздействие); цель — не осмеяние, а *скорейшее уничтожение общественного зла и утверждение положительного идеала* (Ткачев, 1977: 23-37, 46).

Этому жанровому определению соответствуют формулировки «кто виноват?» (13л), «апология складывающегося политического режима» и «дискредитация либеральных политиков, российского бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Авторство

Граф: ... Каково ваше мнение о пьесе?

Критик: А кто автор?

Граф: Пока это секрет.

Критик: Как же я могу говорить о пьесе, если я не знаю кто автор? ... Кто автор?

Ответьте мне, и я вам дам детальнейшую оценку пьесы.

(Б. Шоу «Первая пьеса Фанни» (Шоу, 1956: 193-194))

«...вообще не очень корректно обсуждать... то, что человек пишет из СИЗО, оттуда что угодно могут заставить написать...»

«...после прочтения текста «Кризиса...» всё хорошее, что я питал к Михаилу Ходорковскому, чувствительно укрепилось».

Из рецензий

В рецензиях мы нашли два прямых указания на то, что авторство обусловило повышенный интерес к публикации; их сделали рецензенты, придерживающиеся разных — либеральных и антилиберальных — взглядов:

«Попытка анализа политической ситуации в стране... достаточно спорна, но безусловно интересна. Главным образом тем, что *автор сегодня у всех на слуху, владеет информацией, а его арест — знаковое событие* в нынешней России. Хотя большинство населения равнодушно к бедам олигархов (хватает своих проблем), промышленники, бизнесмены, обыватели активно обсуждают эти послания Ходорковского, обмениваются текстами (см. прим. 8) (21а).

«...чрезвычайно важно признание таким человеком, как Ходорковский, двух, буквально лежащих на поверхности общественного мнения, положений» (15л).

Сомнение в авторстве расширяет границы интерпретации, способствует наслоению дополнительных фреймов — в понимании И. Гофмана, — обостряет внимание читателя к мелочам, заставляя его искать подтверждения и опровержения выдвигаемых версий, как в тексте, так и в затекстовой реальности; повышает рефлексивность читателя, отвлекает его от собственно содержания, и, по-видимому, повышает шансы на «творческое» прочтение особенно тех фрагментов текста, в которых автор по какой-то причине (как кажется читателю) темен и фрагментарен.

Здесь важно подчеркнуть, что успех (эффект воздействия на читателя) в разных жанрах требует разных способов презентации авторской позиции.

Автор исповеди наполняет ее самоотрицанием, отвержением собственной самости. В своем падении он достиг дна, он слаб, полон неподдельного отчаяния от содеянного; он незащищен, и в этом его сила — моральная сила. Только тогда ему поверят.

В письме автор предстает в своей неповторимой индивидуальности, однако для послания важна не она, а то, какой социальный типаж презентует автор. Он предлагает свое видение как член социальной группы, сообщества, поднимается над своей индивидуальностью. Он, как и всякий Борис и Михаил, может быть не прав, однако его выслушивают потому, что его обращение отражает чаяния определенных социальных слоев.

В аналитике субъективность автора невидима, скрыта, завуалирована. Автор нейтрален, объективен, он — над схваткой. Он присутствует своей осведомленностью и аналитическими способностями. Остальное выносится за скобки.

Памфлету свойственны афористичность, образность, оценочность без полутонов, лапидарность языка, понятного для широкой аудитории. Здесь автор может быть и реальным лицом, и мистифицированным, зашифрованным, неуловимым. «Друга Народа» может знать в лицо каждый, а может и никто не знать.

Таким образом, в некоторых жанрах вопрос об авторстве для читателя может быть столь же безразличным, «как безразличны для нас переживания архитектора, построившего собор или дворец» (Жирмунский, 1996: 125). В публицистическом же тексте авторская позиция и жанровое своеобразие суть важные структурные элементы текста, которые настраивают восприятие читателя — подобно ключам в партитуре — на соответствующий регистр. Без этого слушатель (читатель) будет слышать

какофонию (снижение эффекта коммуникации) или жанровую пародию (обратный эффект).

Для дальнейшего анализа мы отобрали только те рецензии, в которых выражалось либо радикальное сомнение в **аутентичности авторства**, либо сомнение в **аутентичности авторской позиции**. В целом в отобранных рецензиях можно выделить две линии аргументации: указания на стилистическую эклектику публикации и на диссонанс между ее содержанием и (фактическими или имиджевыми) характеристиками заявленного автора — культурным уровнем и мировоззрением, а также местом написания. Таким образом, в дискурсе авторства публикация рассматривалась как:

жанровое произведение, которому *приличен* определенный стиль, адекватное выражение того, что заявленному автору *прилично* думать.

Сомнение в аутентичности авторства

Версия 1: это — не его рука, следовательно — идеологическая диверсия

Радикальные сомнения в авторстве вызывали у рецензента чуждые (с его точки зрения) либеральной доктрине «идеологические клише», а также «наивность в оценках», «стилистическая неряшливость», граничащая с «безграмотностью», употребление «полублатных жаргонизмов». Рецензент указывает, что автор, слывущий интеллектуалом, не мог написать такой

«антиинтеллектуальный текст, в котором всё (за исключением «забавных оценок политического дизайна Путина в виде комических фигур Жириновского и Рогозина, безликой брезентовой “Единой России”. И только.) «или тривиально, или грубо идеологично и бездоказательно оценочно» (33л).

Вызванная указанными несоответствиями подозрительность привела рецензента к выводу о том, что публикация имела серьезное практическое задание:

«Смешного мало: кто-то этот "текст" сделал максимально публичным и устроил масштабную дискуссию (данный опрос, кстати, часть этого процесса) — в этом и состоит, как мне представляется, миссия "текста": спровоцировать некую дискуссию для проверки восприимчивости общества к подобным "произведениям", к возможной идеологической "зачистке" политики и т.д. Заодно кое-что подчистить, расширить, переформатировать. Параллельно (или прежде всего) — неявная апология складывающегося политического режима, дискредитация либеральных политиков, российского бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Вывод: сомнение в авторстве привело сначала к переопределению жанра, а затем и к радикальной реинтерпретации всего содержания.

Версия 2: аналитика — его, дискредитация либерализма — от Кремля

Эта версия не столь однозначна. Позитивная оценка анализа (статья) и обращения с призывом (письмо или манифест) сочетается с сомнениями в авторстве:

«...откровенная попытка проанализировать ситуацию» (13л).

«призыв строить гражданское общество в России, вернуть стране свободу» (13л).

«Довольно любопытные рассуждения, однако остается вопрос, кто их автор. То ли сам Ходорковский, то ли кто-то из аппарата В. Путина? Кроме того, возникло

впечатление, что автор с кем-то спорит, отвечает на чьи-то высказывания, но с кем, и что это за высказывания — не очень-то понятно» (13л).

Как мы увидим ниже, функция памфлета («кто виноват, и что делать?») поддержки не вызвала.

Основанием для сомнений является диалогичность («спор») публикации, отсутствие спонтанности и целостной, внутренне непротиворечивой авторской позиции. Поскольку фраза сказана в контексте размышлений об авторстве, выходит, что автор (кто бы он ни был) не сам формулировал мысли, а в споре с кем-то, и этот «кто-то и есть намеренный или ненамеренный (со)автор. Таким образом, читатель (а мы имеем дело с квалифицированными читателями!) видит в диалоге неординарность.

Между тем, специалисты утверждают, что «журналистские материалы в подавляющем большинстве случаев имеют диалогическое начало, независимо от того, имеют ли они диалогическую форму изложения... [В] журналистских текстах... ставятся вопросы, даются ответы на них, приводятся доводы в пользу какой-то точки зрения и выдвигаются контрдоводы... что создает иллюзию обмена мнениями, происходящего между партнерами по «живому» общению» (Гертычный, 2002: 9). Мы цитируем учебное пособие чтобы подчеркнуть: подмеченное рецензентом необычное качество публикации необычным не является. Что могло вызвать впечатление неординарности ординарного качества? Впечатление необычности могло сложиться потому, что в тексте с «диалогическим началом» не прописаны «контрдоводы» — есть только половина диалога, в которой нет пояснений, что именно понимается под ключевыми в обсуждении понятиями:

Вопрос гайда: «Либеральный проект в России может состояться только в контексте национальных интересов» (см. прим. 9). Как Вы понимаете и оцениваете этот тезис?

Ответ рецензента: ...То есть свобода и демократия могут быть вредны для национальных интересов? А что тогда имеется в виду под национальными интересами?!! ...а что тогда подразумевается под либеральным проектом? Плохо, что мы в середине некоего спора, «Ходорковский» с кем-то спорит, с ним он видимо оговорил, что подразумевает под либеральным проектом, либерализмом и национальными интересами, но мы не знаем, как спорщики определились в терминах, и поэтому испытываем трудности в обсуждении их полемики» (13л).

Таким образом, читатель сомневается в авторстве потому, что аутентичный автор непременно должен был бы снабдить читателя необходимыми пояснениями.

Есть и другое объяснение, почему читатель не поверил в то, что М.Б. Ходорковский является автором публикации, подписанной М.Б. Ходорковским:

«Мнение «Ходорковского», это только мнение «Ходорковского» (я имею в виду, того, кто писал от его имени, поэтому беру в кавычки, поскольку Ходорковский подтвердил, что не сам писал текст и не передавал его из СИЗО-4)» (13л).

Однако неясно, почему переданное от лица М.Б. Ходорковского отрицание важнее напечатанной подписи? Почему рецензент не допустил, что отказ от авторства был сделан вынужденно? Наиболее категорично аргументация выражена в разделе рецензии, где просили оценить высказывания, касающиеся Президента:

Вопрос: Можете ли Вы оценить суждения Ходорковского о Путине? Есть ли что-

то, с чем Вы согласны, и что-то, с чем Вы не можете согласиться?

Ответ: Да уж. То, что написал, *вроде как, Ходорковский* о Путине у меня вызвало наибольшее удивление. ...впечатление здесь такое, что *эти строки писали в Кремле или на Старой площади...*

Весьма любопытно рассуждение о том, что «Путин, наверное, не либерал, не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны, что с точки зрения «провозглашаемой идеологии» он куда лучше Жириновского и Рогозина». «Путин, вобрав всю антилиберальную энергию большинства, обуздал наших национальных бесов». Вообще рассуждения похожие на правду, близкие к ней. Но тут, «Ходорковский» из СИЗО-4, просто не разглядел, что антилиберальный, националистический дух, раскрутка Жириновского и Рогозина в предвыборной кампании и до нее осуществлялись и осуществляются именно государственным телевидением, управляемым из Кремля и именно из патологического страха, что коммунисты могут набрать много голосов. Получилось, что Путину лучше нацисты, чем нынешние коммунисты и либералы, демократы.

Далее, он пишет, что СПС и Яблоко проиграла выборы, не потому, что их дискриминировал Кремль, а потому, что администрация президента им впервые не помогала. Конечно, трудно из СИЗО-4 узнать, как идет жизнь «на воле», хотя, вообще не очень корректно обсуждать и критиковать то, что человек пишет из СИЗО, отсюда *что угодно могут заставить написать...* [Далее рецензент приводит «факты», свидетельствующие о том, что власть помогала «Единой России» и «топила» КПРФ, СПС и Яблоко.]

Далее М. Ходорковский (*вроде бы*) пишет: нравится Путин или не нравится, но он Президент, гарант и т.п. Надо отказаться от бессмысленных попыток поставить под сомнение легитимность Президента РФ.

...не понимаю: о какой легитимности идет речь? ... Чего это «Ходорковский» так за Путина испугался, тем более его только что избрали на 2-й срок?! ...

Так что, в данном случае, *кто-то от лица Ходорковского переусердствовал. II репутацию такими рассуждениями М. Ходорковскому подмочил, хотя, может быть, на это и рассчитывал?!*

Путина есть, за что и похвалить.... Но *то, что здесь написано от лица Ходорковского в «защиту Путина» как раз и есть ложь, против которой в этом абзаце выступал «Ходорковский»*» (13л).

Таким образом, решающие аргументы в пользу лжеавторства сводятся к следующему. Во-первых, содержащиеся в публикации оценочные утверждения наивны и поверхностны, не соответствуют ни действительности — что аргументируется ссылкой на «факты» — ни представлениям об убеждениях фактического М.Б., пользующегося репутацией самостоятельно мыслящего и осведомленного человека. Во-вторых, ряд высказываний направлен на защиту Президента, на которого (по мнению рецензента) никто не нападает. Между тем, посягательство на легитимность главы государства не есть ли попытка государственного переворота, о которой страна, только что его выбравшая, до сих пор ничего не знает? Абсурдность защиты рассеивается, если предположить, что узник СИЗО осведомлен лучше, чем страна. Следовательно, он и есть заговорщик. А арестован за недоимки? Полный абсурд в действиях власти?!

Чтобы устранить возникший абсурд, нужно либо принять стыдливость в действиях власти как целого, либо согласиться с версией ложного авторства и с тем, что *«кто-то»* *особо услужливый перестарался*. Второй способ представляется более простым. Иначе квалифицированный читатель просто не в состоянии объяснить появление элементов апологии в документе жанра статьи, манифеста и памфлета.

Неуместная (с точки зрения рецензента) апология приводит к вопросу о цели мистификации.

Рецензент выражает согласие с тем, что на либералах лежит вина, в частности, за отсутствие социальной политики на протяжении постсоветского периода, однако вместе с тем он прямо указывает, что за «антинародные» законы представители либеральных партий голосовали вместе с «центристами», коммунистами, жириновцами и независимыми депутатами, а потому «либераль» несут ответственность наравне со сторонниками всех прочих доктрин:

«Не надо преувеличивать роль либералов-реформаторов. Можно подумать, что страной много времени правили Чубайс и Гайдар, или Немцов с Хакамадой. Этого не было! Не либералы правили страной, они иногда были рядом с властью, Гайдар совсем недолго был премьером, но не они принимали решения. *Опять похоже, что этот текст сочиняли на Старой площади, чтобы перевести свою вину на либералов. Довольно противно»* (13л).

Таким образом, функция обличения также ставится под сомнение, поскольку цель — зло, подлежащее искоренению, — с точки зрения читателя, выбрана слишком узко и тенденциозно. *Вывод*: читатель позитивно оценил те коммуникативные задания, которые более соответствуют обезличенным жанрам, и негативно отнесся к элементам авторских жанров.

Версия 3: перестарались адвокаты

Следующая версия показывает, что сомневаться в авторстве могли и те, кто не разделяет либеральных взглядов.

«Этот текст, скорее всего, *симбиоз собственных размышлений г-на Ходорковского и (неизвестного?) соавтора*, чьи политические взгляды далеко не идентичны убеждениям самого олигарха №1. Впечатление, что *Ходорковскому не просто «помогли оформить» покаянный текст, но и определили «направления» раскаяния, оценочные критерии»*.

«Дистрофично малый уровень искренности, разговор с единомышленниками-либералами получился явно с «чужого пера». Интуитивно чувствуется, что ключевые послы публикации – не ходорковские» (31а).

В качестве главного аргумента в пользу сомнения заявлена читательская интуиция, которая основывается, как можно понять, на том, что *так* с единомышленниками *искренне* разговаривать нельзя. То есть посыл на авторскую искренность распознается, но не принимается ввиду неадекватного выражения.

Отсюда и формулирование главной мысли публикации:

«убедить народ, что главный олигарх прозрел и созрел до покаяния... [за последствия] сделанного в 90е годы с его участием и участием ставших новорусскими миллиардерами» (31а).

Этот оборот «убедить народ, что... созрел для покаяния» подчеркивает участие

соавторов: грешнику не только не поверили, а заподозрили в попытке манипулировать общественным мнением ложным покаянием. В отличие от предыдущих версий, соавторы представлены не как «злодеи», а как «помощники (см. прим.10)», действовавшие в интересах номинального автора при оформлении «покаянного текста».

Вывод: неискренность авторской позиции, идеологическая чуждость письма, обращенного к единомышленникам, привела к сомнению в авторстве; сомнение в авторстве породило недоверие к покаянию, которое, в свою очередь, обернулось отповедью заявленному автору:

«Когда олигарх (*или его соавтор*) оценивает: «да, Путин, наверное, не либерал и не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны» — это звучит на редкость издевательски по отношению к тем 70 %, которые поддерживают нынешнего президента. Элитная изолированность и высокомерие подводят М.Х. Видимо, *он* [т.е. М. Ходорковский, а не соавтор — О.О.] убежден, что «70% населения нашей страны» — поголовно тупая, безмозглая, рабская толпа, не способная мыслить так же свободно, как *он* (31а).

Можно было бы предположить, что только читатели «антилиберальных» взглядов, в отличие от «либералов», склонны видеть в соавторах «помощников». Следующий пример показывает, что это не так.

Версия 4: анализ хорош, памфлетисты перестарались

Согласно наиболее мягкой версии сомнений, текст автору помогли написать «спичрайтеры». Это никак не повлияло положительную оценку рецензентом «достоинств *письма*»: «умное, своевременное... обращение к сторонникам либеральной идеи (см. прим.11)» (16л). *Неважно, сам автор написал каждое слово или нет*, потому что спичрайтерство — общепринятая практика (16л). Таким образом, рецензент допускает участие соавторов, что не мешает ему воспринимать текст как аутентичный.

Здесь мы имеем, по-видимому, широко распространенное мнение о том, что публичные фигуры сами публичных текстов не пишут. В принципе этому положению вещей можно привести несколько оправданий:

сильная загруженность публичных фигур: им писать некогда — надо управляться со сложным, норовистым хозяйством;

специфичность публичных текстов: без нанятых писателей нельзя обойтись, ибо публичная политическая речь (особенно в эпоху умножающихся рисков) должна быть аккуратно «заточена» на выражение одних смыслов (коммуникативных заданий) и одновременно «притуплена» в выражении других; чем крупнее фигура, тем меньше у нее простора для самовыражения (выражения личных мыслей и чувств), поскольку общественная функция у нее состоит не (только) в самопрезентации, но в презентировании интересов социальных общностей. Для публичных речей необходима профессиональная точность, при чем целой команды «писателей» — чтобы понадежнее «притупить» лишние смыслы;

неспособность к самостоятельному производству текстов: в конце концов «слуги народа» выдвигаются/выбираются не по писательским талантам, и писательство на руководящем посту — навык технический и второстепенный.

Какое из этих оправданий годится в данном случае? Первое вроде бы не подходит (хотя, что нам известно об организованности распорядка дня в СИЗО?). Второе годится, если считать нашего автора политической фигурой, что не противоречит ни мнениям рецензентов, ни рейтингу 100 ведущих политиков России, который был опубликован в «Независимой газете» — в сентябре 2004 г. М.Б. Ходорковский делил 37–38 места.

Третье оправдание диссонирует с распространенным имиджем М.Б. Ходорковского как интеллектуала. Или мы имеем клинический случай неравномерного развития способностей, или дело в специфике технического образования. Это соображение возвращает нас к предыдущему варианту и заставляет видеть в публикации, прежде всего, речь политика, а не «частного лица» (как был подписан документ), поскольку именно политическая речь требует взвода профессиональных перьев. Тогда это точно не покаяние.

Именно такая точка зрения согласуется с выделенными рецензентом тремя главными идеями публикации: (1) привлечь внимание общества к трудной ситуации демократического движения, (2) показать пути выхода из кризиса, (3) напомнить о своем существовании как о политической фигуре. Четвертая идея оценена рецензентом как «слабое место»:

(4) «статья имеет неявный «оправдательный» подтекст. Автор ненавязчиво пытается представить себя «прозревшим», «правильным» сторонником либерализма. Соответственно, остальных руководителей правых политических партий — людьми, пребывающими в плену заблуждений, не понявшими или не желающими признать свои ошибки. Этот смысл является, с моей точки зрения, *слабым местом* текста» (16л).

Нужно отметить, что «слабое место» относится не к критике «руководителей правых политических партий», поскольку ответ на вопрос «Что Вам, безусловно, понравилось в этом документе?» содержит, среди прочих, и такую формулировку:

«Перечень промахов, которые были допущены руководством либерального движения» (16л).

Распознавание элементов PR-акции и несоответствий жанру покаяния не помешало дать высокую оценку тексту — «нужный, важный документ», «интересен и по замыслу, и по манере... динамичен, логичен, в нем четко прослеживаются *все* заложенные идеи» (16л) — и его автору, который, по мнению рецензента, «поступил правильно и, учитывая его «особое положение», смело» (16л). Почему?

Вывод: рецензент высоко оценил элементы безличных жанров — аналитической статьи и манифеста — и отрицательно оценил памфлетные характеристики — «напыщенность» и снижение стиля. Для безличных жанров спичрайтерство не является зазорным.

Сомнения в авторской позиции

Ниже приводятся версии, в которых сомнения в аутентичности авторской позиции не приводили к выражению сомнений в аутентичности авторства.

Версия 5: манифест или покаяние?

«Стилистически статья Ходорковского эклектична. В содержательном плане она не несет в себе никаких особенных откровений: о невнимании либеральных

экономистов, которым было поручено проводить социально-экономические реформы в России, к интересам населения страны, сказано уже достаточно много. В связи с этим единственно возможной реакцией на статью явилось бы «Наконец-то!», *однако этому серьезно мешает место, в котором этот текст написан* (возьмем за данность что Михаил Ходорковский действительно является автором этой публикации). Умному человеку не нужно было попадать в застенки, чтобы услышать и согласиться с мнением людей, по праву считающимися «совестью нации». Задумываться о происходящем нужно было тогда, когда от либералов отвернулась интеллигенция, горячо поддержавшая начало перестройки. *Место и время написания статьи мешают всерьез отнестись и к тем путям, которые предлагает своим коллегам Ходорковский: манифест такого рода был бы жизнеспособен после завершения судебного процесса над автором статьи. До тех пор статья воспринимается не как попытка покаяться перед населением, а как покаяние перед властью»* (32л).

Взятая в скобки фраза «возьмем за данность...» говорит о том, что читатель признает проблему авторства, но намеренно следует принципу экономии мышления.

Заслуживает внимания конец цитаты, который иллюстрирует исходные посылы нашего анализа: характеристики автора — его жизненные обстоятельства — влияют на жанровое отнесение текста: покаяние перед населением или манифест. И опираясь именно на характеристики автора, читатель делает выбор в пользу третьего жанра — покаяния перед властью.

Рассуждения рецензента сводятся к следующей фигуре: можно было бы подумать (потому что по тексту очень похоже), что автор услышал людей, по праву считающихся совестью нации и раскаивается, но...; можно было бы понять текст, как программу действий (потому что не отличить от настоящей), но...

Также можно было бы в публикации видеть памфлет, направленный на «скорейшее уничтожение общественного зла и утверждение положительного идеала», но:

Вопрос: В чем, по Вашему мнению, состоит главная идея текста?

Ответ: Одним из основных *выглядит* утверждение, что главной ошибкой либералов является сосредоточение на форме реформ, а не на их содержании и последствиях для населения России» (32л).

Определение «покаяние перед властью» возникает от несвоевременности обращения к коллегам-либералам с манифестом; несвоевременности, поскольку «коллеги» к публичному покаянию воли и не думали выказывать, отрицают, что либерализм в России переживает кризис (см. прим.12). И к чему тогда им программа действий? Отсюда вывод: манифест-покаяние родился от «испуга за свою собственную судьбу» (32л). Указан и способ покаяния (другая главная идея):

«призыв работать вместе с президентом Путиным, который якобы более демократичен и либерален, чем 70 % населения страны» (32л).

Помимо заимствований у «совести народа» (представителей интеллигенции) рецензент находит сюжеты, которые «как две капли воды повторяют выступление Владимира Путина перед своими доверенными лицами» в МГУ в ходе президентской избирательной кампании в марте 2004 года. Именно заимствование из второго источника (смешивать первый и второй нет оснований) интерпретируется как свидетельство испуга.

Правда, манифест (как и обличение) не обязан нести содержательную новизну; новизна манифеста состоит в том, что известное и даже сильно желаемое общественностью содержание отражается в дискурсе власти. Однако:

«Любая компиляция прописных истин по определению разумна, если она помогает применить их в новых исторических условиях. В данном случае об этом говорить проблематично, поскольку возможности ее автора в настоящее время чрезвычайно ограничены» (32л).

Вывод: даже если содержание текста само по себе воспринимается позитивно, неадекватность авторской позиции (в данном случае, жизненной ситуации автора) может целиком перевернуть понимание и отношение ко всему тексту.

Версия 6: аналитическая статья или покаяние? Неискренность от ошибочного, обусловленного социальным статусом мировоззрения

В этой версии первичная настройка связана с фигурой автора, а вторичные настройки — с жанровыми ключами:

«...на общем фоне эта публикация... единственная, где делается попытка проанализировать нашу жизнь... без прикрас. А если рассматривать эту статью, как покаяние олигарха, то звучит неубедительно» (22а).

Очевидно, что рецензент пробовал настройки на два жанровых ключа: аналитической статьи и покаяния. В рецензии мы не обнаружили явных подозрений не только в «ненастоящем» авторстве, но и в стремлении манипулировать общественным мнением. И это несмотря на то, что эксперт отнюдь не зачарован качеством приведенной в статье аналитики, поскольку регулярно вступает в спор с автором по поводу его анализа в основной части рецензии. Можно предположить, что жанровый ключ манипулирования (например, PR-акции, саморекламы) не сработал именно потому, что эксперт принял заявленное авторство как факт.

Рецензенту представляются совершенно ясными политическое кредо автора — который *«искренне»* верит в наличие либерального течения в России, — его переживания — кризис либерального течения стал *личной «трагедией»* автора — и цели опубликованной статьи — «объяснить причины кризиса и обозначить пути выхода». Хотя тема «путей выхода» содержательно ближе к манифесту, рецензент наделяет публикацию познавательной функцией аналитической статьи: *«объяснить»* и на основе анализа *«обозначить пути»*.

Тем не менее, в характеристике рецензента снова встречается тема неискренности:

«Общее впечатление [от текста] неплохое, хотя не покидает некоторое ощущение неискренности автора» (22а).

При этом неискренность никак не связана с темой ложного покаяния и комбинируется с верой в искренности либерального мировоззрения автора. Значит ли это, что мы имеем дело с неискренней аналитикой?!

Обозначим различие: под неискренностью будем понимать несоответствие высказывания мыслям говорящего; под ложью — несоответствие фактам, некоему объективному положению дел. Обратившись к тексту рецензии, чтобы ответить на вопрос, почему эксперт посчитал аналитическую статью неискренней, мы нашли указания на ряд несоответствий в тексте публикации:

«безусловно разумные», но «не обычные» для «человека бизнеса» мысли — несоответствие высказывания и (ожидаемой рецензентом) позиции автора;

«неестественно звучащая фраза» о том, что «либерализм в России не может умереть», потому что «либерализм, как известно из истории, у нас никогда не приживался» — несоответствие мысли автора реальной действительности;

«некоторая напыщенность текста. Никогда в России не будут гордиться людьми типа Ходорковского. Слишком поздно он стал заниматься благотворительностью и инвестициями, слишком мало сделал для России», т.е. стилистическое несоответствие норме распознанного рецензентом жанра, которое происходит от неадекватных реальной ситуации претензий автора на всенародное уважение;

употребление эвфемизма «социально активные люди либеральных взглядов», названного рецензентом «лживым понятием», которому эксперт предлагает стилистически нейтральное обозначение: «ловкие, вовремя вписавшиеся в систему обмана дельцы» (22а).

Если учесть, что, как считает рецензент, М. Ходорковский «искренне верит в наличие либерального течения в России» и переживает его кризис как личную трагедию, то можно выдвинуть предположение: «неискренность», а местами и «лживость» статьи объясняется ошибочными, с точки зрения антилиберала-рецензента, т.е. либеральными взглядами автора, ошибочными для страны, которая либерализма не приемлет. А поскольку автор *искренне* придерживается «объективно *ошибочных*» взглядов, то ему приходится передергивать факты, озвучивать несвойственные для его занятия бизнесом взгляды и «говорить красиво». Итог: неискренность аналитика берет начало в его ошибочной идеологической позиции.

Отметим еще одну особенность восприятия текста экспертом:

«Текст довольно интересный, хотя какой-то новой, неизвестной информации не содержит» (22а).

Чем же интересен аналитический текст, если в нем не содержится новой информации? «Подкупает попытка автора говорить правду о себе» — тем и интересен.

Вывод. Попытка написать аналитическую статью (один жанровый ключ) получила высокую оценку. Однако выражение авторской позиции в исповедальном жанровом ключе не соответствовало ожиданиям читателя: автор исповеди получил квалификацию «неискренного». В итоге аналитическая часть также не выдержала проверку на «искренность».

Версия 7: реабилитация перед властью, аналитическое эссе, исповедь или памфлет?

Эту рецензию отличает многоплановость прочтения публикации, суть которой — в ее общественной значимости и особенностях человеческой ситуации (которые в нашей терминологии относятся к характеристикам автора) ее написания. Рецензент пишет:

«Когда-то давным-давно замечательный советский литературовед и историк Юрий Лотман говорил об уникальности первого прочтения пушкинского «Евгения Онегина». Увы, в моём случае не получилось и «девственного» прочтения «Кризиса либерализма...» Михаила Ходорковского, поскольку тут же после его выхода

последовала целая вереница «отповедей», усматривающих в этом письме из каземата некую *беспомощную попытку реабилитации в глазах российской власти*, ВВП и бюрократической элиты. Я полагаю, что, *по большому счёту, это не так*. Вне сомнения, наиболее реактивные эксперты — такие, как БАБ, показушно лукавят. Мне представляется, что *письмо Ходорковского* появилось как нельзя вовремя, что твой роман «Мать». Но *общее впечатление несколько смазывает начало, написанное с ленинской запальчивостью*, в состоянии раздражения, этаким запоздалой, усталой обиды. Но если говорить в общем, то после прочтения текста «Кризиса...» *всё хорошее, что я питал к Михаилу Ходорковскому, чувствительно укрепилось*. Впрочем, и докучливой досады по поводу ситуации в стране стало больше» (15л).

Ссылка на Ю.М. Лотмана и А.С. Пушкина сразу задает высокую планку обсуждению: как будто речь идет не о тяжбе в злобе дня. Самим перечнем имен — Лотман, Пушкин, Ходорковский, Путин, Березовский, неназванный Горький, Ленин — задается широкий историко-культурный контекст, где прошлое сталкивается с настоящим, низкое с высоким, непреходящее с реактивным, властный авторитет с моральным. Широкий контекст этих столкновений поддерживается настройкой на жанровую полифонию. Может, в публикации и есть что-то от беспомощной попытки реабилитации, но смотреть на нее надо не через призму мимолетной человеческой беспомощности, а «*по большому счёту*». Почему по «большому»? Потому что при всех человеческих (тоже от беспомощности?) ошибках автора главная идея текста говорит о непреходящем:

«выражается почти афористично, как в цитатнике: «либерализм в России не может умереть» (15л).

И далее:

«Разумеется, чрезвычайно важно признание таким человеком, как Ходорковский, двух, буквально лежащих на поверхности общественного мнения [банальностей, трюизмов (см. прим. 13) — О.О.], положений:

[1] «русский либерализм потерпел поражение потому, что пытался игнорировать важные национально-исторические особенности развития России и... жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. И [2] смертельно боялся говорить правду... Полагаю, что в значительной степени идеей текста становится и исповедальная интонация автора» (15л).

Здесь, кажется, находится разгадка, как можно было в газетном тексте — ведь много высокомерного написано и говорится о газетах и газетчиках — увидеть соединение непреходящего и мимолетнего: читатель *просто поверил* исповедальной интонации (жанр *исповеди*), увидел беспомощного, страдающего, мыслящего — и о собственной участи, но не только — человека, который не позаботился очистить свое *письмо* от запальчивости и прочих «глупостей». (Вообще, на фоне такого прочтения публикации многие рассмотренные выше варианты кажутся либо холодными и циничными до бесчеловечия, либо поверхностными до легкомыслия от собственной комфортной правоты. Но это замечание субъективно.)

По версии рецензента, пробудившаяся (ну да, в камере!) способность к исповедальной интонации приводит автора — М. Ходорковского — к прозрению очевидных вещей:

«Безусловно понравилось *мудрое и очевидное*: «...пора осознать, что глава

государства — не просто физическое лицо... плохая власть лучше, чем никакая». Сегодня уяснить это чрезвычайно важно для либералов. Да и для бизнеса, стабильное состояние которого перво-наперво зависит от характера власти: свобода в России легко вырастает до уровня Воли, которую принципиальное не приемлет весь западный мир (15л).

Причем осознание этого *мудрого и очевидного* имеет практическую полезность — в частности, для бизнеса.

В перспективе прозрения (в одиночке), выхода в широкий исторический контекст рецензенту совершенно иначе видятся оценки («разумные соображения» (15л)) недавних событий:

«СПС и «Яблоко» проиграли выборы... потому, что администрация президента им впервые не помогала...»;

«альтернатива дефолту 1998 года была — девальвация рубля»;

«красно-коричневая чума» сильна постольку, поскольку либеральное руководство забыло про свой народ...».

Кстати, можно заметить, что оценки выражены в форме объяснений, анализа (аналитической статьи): в высказываниях про выборы и «чуму» устанавливаются причинно-следственные связи, при упоминании дефолта указывается альтернатива, нахождению которой необходимо предшествует анализ, просто оставшийся за скобками.

Что рецензенту не понравилось:

«Не понравились чересчур откровенные декларации типа «перестать лгать себе и обществу», «постановить, что мы уже достаточно взрослые и сильные, чтобы говорить правду», «оставить в прошлом космополитическое восприятие мира», «постановить, — что мы — люди земли» и т.д. Принимая во внимание место пребывания автора, могу предположить, что он вполне искренен, но... *вообще-то так писать нельзя*. Где постановить? На бюро обкома? В камере для либералов? И вообще, как можно разом переменить мировосприятие?»

И просится добавление: «...коллективно». Развивая мысль рецензента, можно утверждать: на бюро постановить такие вещи нельзя, и в камере битком нельзя. Можно в одиночестве (одиночке), но опыт переживаний в одиночестве в публичное пространство не переносится. Поэтому так писать нельзя — недогадал автор. Отсюда чудовищным диссонансом, по сравнению с другими прочтениями, выглядит характеристика, которую дает рецензент публикации: чересчур откровенно.

Вывод. Согласно приведенной интерпретации декодирования авторской позиции и жанра, получается следующая логическая (не обязательно исторически достоверная) цепочка: первоначально сработавшая настройка на жанр искренней исповеди автора с общественным крутозором привела к признанию аналитической глубины в «тривиальных» суждениях. Тривиальных для общественного мнения, но не для автора, который, с точки зрения читателя на воле, слишком стремительно прошел путь к этим трюизмам от солидарных действий с «гайдаровцами», которые:

«не предусмотрели переходного периода. Думаю, что *ради собственного обогащения* они ввели шоковую терапию *преднамеренно*» (15л).

На основании проанализированных версий, в которых прямо или косвенно

высказывались сомнения в аутентичности авторства и авторской позиции, можно сформулировать следующие выводы.

1. Декодирование авторства и жанра публицистического текста действительно задает рамку, определяющую его целостное восприятие и интерпретацию его элементов.

2. Несмотря на артикулируемые в начале интервью сомнения в авторстве, а все сомнения высказывались во первых строках рецензий, запускаемый намеренно или невольно механизм экономии мышления приводит читателей в ловушку: по ходу ответов на вопросы все меньше просматривается разница между «неизвестным автором» и М.Б. Ходорковским, и все чаще претензии и похвалы выражаются в адрес последнего. По-видимому, принцип экономии мышления характерен не только для направленной письменной беседы, но и для живой коммуникации. Так что широкое разоблачение литературно(-политическо)й мистификации — если это была действительно мистификация — потребует титанических усилий. Заявленное печатно авторство утвердилось, вопреки сомнениям, в практике разговоров о публикации. Самый яркий пример находим в рецензии, в которой публикация рассматривается как идеологическая диверсия («апология» и «дискредитация»):

«Основной тезис [пункт 4 в разделе публикации «Выбор пути»] не о том, чтобы не лгать — все-таки не Библия. Именно здесь *автор* вспоминает Хакамаду, в кампании которой, мол, "тревожные ожидания неправды". *Интеллигентно сказано, тактично. С указанием имени*» (33л).

Принципиально важно, что рецензент в начале отрицает авторство публикации М.Б. Ходорковского. Однако едва ли можно предположить, что мягко сформулированное обвинение в политическом доносе рецензент адресует таинственному «кому-то», кто подготовил мистификацию для «возможной идеологической "зачистки" политики» (33л). Упрек направлен именно в адрес М.Б. Ходорковского.

3. Сомнения в авторстве эклектичной в жанровом отношении публикации — содержащей коммуникативные задания, свойственные разным жанрам, — могут возникать и находить текстуальное и затекстовое подтверждение как у идейных сторонников заявленного автора, так и у его идейных противников. И те, и другие могут видеть в «истинных» (со)авторах как «помошников», так и «злодеев».

4. Злободневная литературно-публицистическая мистификация не терпит непрофессионализма — она непременно пробудит творческое воображение квалифицированных читателей, которое может привести, среди прочего, и к потере мистификаторами лица в общественном мнении.

Список литературы:

Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Постман Н. «А теперь, ... о другом ...» // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Уоллакот Дж. Сообщения и значения // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Hall S. Encoding-Decoding in Television Discourse // Culture, Media, Language / Ed. by S. Hall. L.; Melbourne: Hutchinson, 1980.

Шоу Б. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. М., 1956.

- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002.
Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: МГУ, 1982.
Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
Уваров М. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998.
Ткачев П.И. Границы жанра. Минск: БГУ, 1977.
Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб.: СПбГУ, 1996.
Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Примечания:

¹ Автор выражает признательность Л.А. Козловой, М.М. Кириченко, Е.В. Морозовой, И.Н. Тартаковской за замечания к первым вариантам рукописи; особенно развернутые и стимулирующие критические замечания были сделаны О.М. Масловой. Все недостатки текста, разумеется, остаются на совести автора.

² Поскольку мы анализируем тексты о тексте, во избежание путаницы мы в дальнейшем будем называть появившийся за подписью М. Ходорковского текст *публикацией*.

³ В изложении оснований проведенного анализа мы ограничиваемся цитированием именно этого источника, как фундаментального (несмотря на «скромную» презентацию в качестве «курса лекций») отечественного труда по социологии массовой коммуникации, выдержавшего в последние годы ряд изданий.

⁴ «Моменты «кодирования» и «декодирования»... в процессах коммуникации... являются решающими моментами» (Уоллакот Дж. Сообщения и значения // Назаров М.М. С. 265).

⁵ При цитировании источников и рецензий, если не указано иное, везде *курсив наш.* — **О.О.**

⁶ В кавычки заключены встретившиеся формулировки в готовом виде, в квадратных скобках — результаты аналитической реконструкции.

⁷ Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 150. Мы выбрали именно этот источник в качестве путеводителя по журналистским жанрам как наиболее свежий и неоднократно переиздававшийся большими (по нынешним меркам) тиражами.

⁸ Здесь и далее в цитатах *курсив наш.* — **О.О.**

⁹ Цитата из публикации.

¹⁰ «Злоден» и «помошники» употреблены здесь не в терминологическом значении; см. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

¹¹ Рецензент подчеркивает необходимость отличать сторонников либерализма от «властных либералов» — от узкого круга недавних руководителей либерального движения.

¹² «СПС не собирается поддаваться политическому шантажу и каяться в несовершенных нами грехах, а намерен, сделав выводы из поражения 2003 года, перестроить свою работу с тем, чтобы добиться выдвижения в 2007 году единого списка демократических сил на выборах в Государственную Думу и его убедительной победы». Московские новости. 2004. 16 апр. (Цит. по: Исаев С. Либералиссимусы наших дней // Телескоп. СПб., 2004. № 4. С. 34).

¹³ Рецензента публикация «иногда даже смущает трюизмами... Впрочем, Мих. Ходорковский тактически точен: вышеуказанные приёмы заметно популяризуют текст, приобщают к нему более широкие слои общества» (15л).

EGOR PEREVERZEV, YEVGENY KOZHEMYAKIN

egorpereverzev@gmail.comdva@bel.ru

NEW RUSSIAN IDENTITY IN PRESIDENT'S NEW YEAR'S ADDRESS TO THE NATION

A case study of the new Russian national identity representation and construction in New Year's addresses to the nation by presidents Vladimir Putin and Dmitry Medvedev.

For the last hundred years Russian national identity has been subjected to radical transformations twice: firstly – after the Socialist Revolution in 1917, and secondly – after the coup in August, 1991. There are reasons to believe that today Russians are engaged in the third attempt to construct the new national identity. Both Russian history and present provide rich data for the study of transformations of national identities. In the article we would like to give an example of analysis of discourse of national identity (hereinafter DNI) on the basis of multifold cross-disciplinary theoretical approach. The analysis is based on three New Year's addresses to the nation by presidents Vladimir Putin and Dmitry Medvedev in the years of 2007, 2008 and 2009 (Putin, 2007; Putin, 2008; Medvedev, 2009).

Traditionally the New Year's speech has been an integral part of the system of rituals of state and nationhood firstly in the USSR and later in Russia. The researcher of Presidents addresses to nation N. Kondratenko stated that institutionally this genre belongs to political discourse, its rituality based on principles of textual, temporal and event localization (Kondratenko).

The approach aims for the analysis of DNI on the basis of the multifold model of institutional discourse. It was elaborated on the basis of modern discourse theories and mainly the Critical Discourse Analysis (see Teun Van Dijk 1998; Fairclough, 1995, Wodak and Meyer et al, 2001; and others). National identity is seen as a unity that is constructed, supported and changed discursively. The discourse of national identity is described as *a complex sense-making and sense-reproducing activity expressed in the unity of coherent thematically focused speech acts and cognitive forms (texts), based on unification of historical, cultural, political, ideological discourses and perpetuation of the relations of power in society, and aimed to construction, change and maintenance of personal and collective distinctiveness of belonging to a nation.*

In the present paper we regard nation identity as the phenomenon of governmental and state constructed reality and, thus, discourse of nation identity is related to political (power) area. Moreover, discourse of nation identity is a product of political relations. So we state that discourse of nation identity can be described as *a type of political discourse along with such types as electoral discourse, governmental discourse, political debate discourse and others.* The fundamental structures of culture necessarily become the material of political discourse, and therefore of national identity discursive construction.

I. Political and socio-cultural frameworks

The ten-year period from 1999 till 2009 has been marked with radical political and social changes in Russia. The acute financial crisis and ahead-of-schedule resign of President Boris Yeltsin reflected the disappointing results of the first decade of the new Russia. The growth of oligarchy in all sectors of the national economics was followed by the widening gap between the rich and the poor. The disappointment of Russian intellectuals with the new governmental policies led to the vast immigration; the gruesome results of the first Chechen war and the war in former Yugoslavia reflected deeply on the national identity of the citizens of the newly-born Russia. (Le, 2002: 389-390) In the complicated home and international situation the first president of Russia Boris Yeltsin managed to transfer his power to the former KGB colonel Vladimir Putin. In the following years the Government under President Putin managed to take control in most important spheres – economics, natural resources, military, mass media etc. Later, much was done to rebuild the ideological apparatus for the construction of the new Russian national identity based on the principles of the unity of the nation, the history of Russian Empire and the power of the former Soviet Union. The New Year's addresses of the Presidents to nation during these years may be described as summary of the ideological work done for the consequent period of time.

II. Discursive approach to national identities

The discussions on discursive perspective of study of national identities have obtained solid positions in modern cross-disciplinary research (see De Cillia, Reisigl, Wodak 1999; Ricento, 2003, Le, 2002 and others). It is nowadays a recognized fact, that national identities are constructed discursively and that their construction, perpetuation and change are done by means of discourse and power.

Similarly the recent works in the field show that “discourse is not just an utterance of self-identity, but ... a way of forging, maintaining and transforming both Self and Other, both identity and relationship”. (Shi-xu, 2005: 31)

In the article “The discursive construction of national identities” the group of scientists from University of Vienna laid the foundations of the present discursive approach to the phenomenon of national identity. (Wodak et al, 1999: 149-173) This was based on several assumptions: (a) nations are to be understood as mental constructs; (b) national identities are produced, reproduced, transformed and destructed discursively – by means of language and other semiotic systems; (c) national identity can be regarded as a sort of habitus; (d) discursive construction of national identities is closely connected with the construction of difference\distinctiveness and uniqueness; (e) national identities are dynamic unities that may change depending on a context, situation and other factors (Wodak et al, 1999: 153-154). The respective model of analysis of national identity according to the discursive-historical approach contains the study of:

- (1) contents/topics
- (2) strategies
- (3) linguistic means and forms of realization (Wodak et al, 1999: 157).

This profound research has contributed to the study of the complex problem of national identity on the basis of the critical discourse theory. It explicitly showed the process

of construction of national identity by means of language (lexical units, argumentation and syntactic means); strategies (constructive, perpetuation and justification, transformation, dismantling or destructive strategies); contents/topics (ideas, narratives, discursive constructions, headings). The research has also laid the ground for the solution of the problem of transformation from discourse as a text to discourse as a social reality (see about this van Dijk, 2007: 5). However, the research led to the rise of new important questions concerning the study of discourse of national identity. It also did not aim at contribution to cross-disciplinary unification of segmented discourse-based approaches, as it focused mainly on the semiotic construction of discourse of national identity. The question of the nature of discourses constituting the national identity as a single unity has also been untouched. Can these discourses be described as similar in terms of their nature and structure? If not, then what would be the terms and the theoretical angle that would allow us to get the most accurate picture of national identity as a discourse? By the notion of “picture of identity” we tend to understand not only the static ontological objects of its structure, but also the complicated interplay between the discourses of national identity and other discourses, constituting the social field. As we believe, the picture of national identity should be a dynamic one. The notion of habitus with regard to national identity does also look rather arguable. First, according to our understanding of Pierre Bourdieu, habitus is a system of solid acquired dispositions, structured structures aimed to act as structuring structures as principles that create and organize practices and notions. Thus “habitus may serve as an applied tool for getting specific results, but it neither implies any sort of deliberate concentration on these results, nor does it imply any special skills for getting those results” (cited according to Gromov et al, 2003: 531). In some way it is possible to describe habitus as “text minus implicit relations of power in society”. Second, though habitus itself does not content elements of relations of power, it may become an effective instrument of dominance. The manipulation of habitus is a typical ideological instrument of totalitarian countries and regimes (e.g. similar clothes of Chinese during the Cultural Revolution or annual participation of all Russians including musicians, actors, sportsmen and people of other “non-agricultural” professions in obligatory agricultural works in the countryside). Thus we would still tend to argue that our understanding of the notion of habitus does not permit us to regard national identity as habitus, and that we would prefer to describe identity as a type of discourse which unlike habitus necessarily implies the relations of power and dominance.

Another arguable point is the role of culture in official discourse. The researchers from University of Vienna point out that: “Both state and culture almost always play a role in construction of national identity, though in official discourse, culture is of slight importance...” (Wodak et al, 1999: 169) Concerning this, we still tend to say that implicit cultural discourses play profound role in construction, perpetuation and change of political discourse (see about this Pereverzev, 2008).

As we regard the DNI as a type of political discourse, we therefore may suppose that the fundamental structures of culture necessarily become the material of construction of discourse of national identity.

Now we would like to come back to the question of possibility of construction of cross-disciplinary model for analysis of discourse of national identity as a multifold heterogeneous unity. The answer to this question should help to reveal the complex nature

of national identity both in terms of its elements, their cultural nature, and in terms of the complex processes that participate in construction, perpetuation and change of the national identity.

In this regard we would like to present the multifold cross-disciplinary model of discourse based on cultural approach and developed by the research group from Belgorod University (Russia).

The approach has been recently developed for the multifold analysis of institutional discourses (see Kozhemyakin, 2008; Kozhemyakin, Pereverzev, 2007: 59-65). It is based on the notion of discourse as a complex unity constituted by the number of parameters, each of them determined by its place, role and external discursive and non-discursive factors. Therefore, each of the parameters may change its meaning, causing the dynamic changes of the whole discourse. From such point of view, the discourse of national identity may be described as *a complex sense-making and sense-reproducing activity expressed in the unity of coherent thematically focused speech acts and cognitive forms (texts), based on unification of historical, cultural, political, ideological discourses and perpetuation of the relations of power in society, and aimed to construction, change and maintenance of personal and collective distinctiveness of belonging to a nation*. The given definition is mainly based on critical position which aims at the uncovering of the open and hidden relations of power in the attempts of elites to interiorize national identity.

Under the notion of DNI we also tend to understand exclusively the identity that is born on the basis of the relations of power and dominance in society and is perpetuated by the elites via political institutions, Constitution, laws, federal education system. This type of identity should be distinguished from the discourse of ethnical identity. The interplay between DNI and discourses of ethnical identities may be seen as a process, the discussion of which goes beyond the frameworks of this article. Focusing on the role of discourse of national identity in the relations of power in society, we recognize that discourse of national identity acts in society as an instrument of dominance. The agents of national identities are not passive; they actively participate in creation, perpetuation and alteration of DNI. However, our approach focuses mainly on the discursive methods of construction of national identity as well as on revealing the nature of dominant and power implementations in the discourse. We are thus less interested in the search of social hegemon, focusing mainly on how people interiorize the discursively constructed relations of power and thus how discourse constructs the social reality.

If we describe DNI as a system of dynamic open parameters, the general model will be as follows:

1. Ontological parameter (objects which are constituted in the discourse).
2. Teleological parameter (goals of the discourse)
3. Ideological parameter (ideological propositions that form the discourse, their construction and perpetuation)
4. Linguistic parameter (speech acts, linguistic and stylistic means of the discourse)
5. Textual parameter (specificity and types of texts which constitute the discourse)
6. Contextual parameter (the contextual determination and the specifics of contexts of the discourse)
7. Cognitive parameter (cognitive processes and models that form and perpetuate the discourse)
8. Communicational parameter (nature and specifics of the communicative processes,

forming the discourse)

In the following parts we shall make an attempt to evaluate the given model on the basis of the discourse of new national identity in present-day Russia. We take the example of New Year address to the nation, which is traditionally released on Russian TV five minutes before the midnight New Year clock strike.

Ontological parameter of DNI

The specifics of objects of discourse of DNI comprise social (e.g. “government”, “social relations”, “society”, “citizens”, “law”, etc.), virtual (“nation”, “historical memory”, etc.) and psychic (“belief”, “reliance”, “responsibility”, etc.) objects. Such a peculiarity proves the idea of the direct link between the discourse of national identity and the discourses participating in the production of power in society – political and religious ones. As a Russian researcher of political discourse E. Sheigal points out in her work «Semiotics of political discourse», «politics has a discursive nature; it is constructed in course of political practice and elaborated by its participants» (Sheigal, 2004: 18). As we draw the lines of similarity between the objects of DNI and political discourse, it is worthwhile to emphasize that one of the most important features of the objective typology of DNI is the phenomenon of “power in body” firstly described by M. Foucault. According to Foucault, power is mainly a psychic object, which is ideologically objectivated in minds of subjects of politics (see Foucault, 1996, 2004). Thus, power may only exist as a psychic result of subordination. It disappears when subjects deny its existence (as a good example to this we may draw the Mahatma Gandhi’s policy of non-violent non-confirmation in the late-colonial India). Thus it becomes vital for the engineers of DNI to make its objects look like non-discursive ones, while as a matter of facts the objects of DNI are as much discursive as those of political discourse. These objects may be put into several categories:

1. Objects of power (strength (mental, economic, military etc) and unity of a nation.
E.g. “strong state”, “Russia has been gaining in strength and becoming stronger”, “territorial integrity of Russia”, “again we are able to feel we are a united people”.
2. Objects of time and history (age, “great names” and “great deeds of great ancestors” immortalized in discourse, its semiotics, texts, contexts and ideologies).
E.g. “our great history”
3. Objects of nationhood (Constitution, borders, capital, division of people into citizens and non-citizens, “of age” and “under age”), objects of status (presidents, prime-ministers, ministers, members of parliament, nobility, leaders, directors, party-members etc)
E.g. “our great nation”, “our country”, “our great country, Russia”, “thanks to you – its citizens”
4. Symbolic objects (flags, national emblems, anthems, children’s textbooks and political myths), material objects which exist mostly as embodiment of DNI – president’s palaces, halls, squares, buildings of parliaments, etc.

In our case, the New Year’s address starts from showing the main symbols of Russian statehood – towers of Kremlin, the clock on the Spasskaya tower, Red Square, the national flag of Russia and even the fur-trees of Kremlin (the audience “knows” that these are special sacred trees, the unofficial symbol of nationhood). These objects are shown on the background of the speaking president during the whole speech; they contribute to the whole “picture” of the event. The viewers are supposed to recognize the basic collectively

shared meanings of the represented symbols, and these meanings correspond to the meanings of the President's words. Actually, both recognized meanings of symbols and meanings of verbal elements reinforce each other; the process of "reading" the New Year address includes decoding of the all-known symbols which enhances and facilitates the decoding of President's speech. Thus, represented symbols limit the possible range of interpretations of what the President is saying. Moreover, recognizing national symbols as "ours", "close", "known from the childhood" makes it possible for viewers to believe that what is presently told is also a part of the "close objects". In other words, the usage of national symbols along the speech "says" that those would share the meanings of the speech who "knows" and "understands" the symbols. They "intimatize" the President's speech and represented power in the national scale.

5. Objects of culture (traditions, public festivals, holidays and other cultural objects).

The tradition of the New Year's address to the nation has been lasting for decades since the times of the Soviet Union. Traditionally families and friends, celebrating the New Year's Eve together draw round the festival table about ten or twenty minutes before midnight. Celebration starts with ritual of "saying farewell" to the last year. The TV sets are switched on and the address is broadcasted through all the TV channels. It starts exactly five minutes before midnight – with the solemn music and showing of main symbols of statehood on the background of the speaking president. A lot of people are staying while listening to the President – the moment of symbolic unity between three elements of the state – the family, the President and the nation. Still as a cultural object, the New Year address is surrounded by the number of small rituals, such as "seeing off the last year", opening the bottle of champagne (for long decades the label of this champagne was the same on each and every table – it was "Sovetskoye" – "The Soviet" champagne, recently the new label "Rossiyskoye" – "The Russian champagne" was produced) right when the bell is ringing twelve times, kissing, wishing and so on.

Thus, we may see the ontology of DNI reproduces that of political discourse: objects of power and its agents. The objects of national identity are organized to perpetuate the power relations in society. This leads us to the problematic field of teleology of the DNI.

Teleological parameter of DNI

The teleology of DNI is formed by the system of goals based on the central problem of the discourse. As we state, the peculiarity of institutional discourse that helps to distinguish it from both other institutional discourses and non-institutional discourses lies in the character of the central problem, embedded in its basement as well as in the hierarchy of the parameters peculiar for each type of discourse (Kozhemyakin, 2008: 306). The central problem of DNI may be observed as solving questions of bringing out the relations of power. The central aim of DNI is thus to give DNI the status of objective (or almost physical) reality. It can be said that the discourse of national identity will always aim at the status of objective reality where the social and cognitive status of its objects (such as state, history, nationhood, government, president, etc.) would be the same as the status of mountains, seas and rivers – that is to say the reality of DNI will cover the physical reality. When such goal is achieved, the relations of power in society become more stable, no matter what their true basements are.

The problematic field of DNI is revealed in several categories of its goals:

1. Unification (“we”, “we worked together to preserve our country”, “once again we are able to feel we are a united people” etc)
2. Perpetuation (“all these years”, “our great history”, etc)
3. Action (“I would like to do everything possible – and we shall do everything possible”)

While political discourse covers the wide variety of semiotic manipulations with the power and its concept, DNI releases one of the key goals of it – perpetuation of power relations and embedding of power into the collective consciousness through formulating and integrating the idea of “national entity”.

This is done by means of construction of social and cognitive status of DNI that is similar to the status of physical objects. Thus, like political discourse DNI is more oriented at perpetuation than at reflection of its objects.

Ideological parameter of DNI

Ideology may be described as the main social discursive element, used by the elites to construct, support and change DNI. Ideology is described as the “imaginary attitude of subject towards the real conditions of his existence” (Althusser, 1996: 34). It is fair to underline that ideology has a more or less determined sense in terms of the specific political field; thus, if we change the political view or reject it, ideology becomes meaningless in its semantic and practical aspect.

According to Althusser, ideology affects subject in the process of interpellation (subject is being interpellated by ideology which appeals to both social (discourses) and cognitive structures (scenarios (or scripts), frames and concepts). The imaginary relations of ideologically interpellated subject and social power result in real social consequences: individual is being turned into subject. Here is the example of the discursive “call” of interpellation reproduced in the New Year’s president’s address: “Dear citizens of Russia”, “We are united by a feeling of belonging to one big family – the name of which is Russia” etc.

The proposition of *self-sustainability* (e.g. “colossal resources”, “Intellectual potential” etc) is used to promote the idea of new basements of large-scale participating in the global economic and cultural processes. It is understood that Russia, like the USSR will not bear any humiliation on the international political stage (see V. Putin, 2005).

The ideological proposition of *endurance*, (“steadfast support”, “your trust”, “confidence and dignity”, “common effort of the Russian nation” etc) was created and objectivated during the period of the Second World War and is still used to maintain the social stability especially among the lower deprived social groups. Among the newly adopted ideological propositions we can name the proposition of richness of natural resources (“colossal resources”).

The positioning of Russia in mass media as a rich state (e.g. “Russia has paid its debts to the Paris club”, “Russia has one of the biggest monetary reserves in the world”, etc.) comes along with “muting” the facts of enormously unequal distribution of wealth among Russians. That is how media transform the objective situation of inequality into the sphere of personal responsibility – (e.g. it is the personal fault not to be rich in such a wealthy country). The proposition of Russian international influence aims at filling the gap in national identity that occurred after the fall of the Soviet Union. The USSR, positioned as a second world’s superpower created of the strong ideological atmosphere of national pride for its citizens. This commonly shared discourse disappeared together with the country in 1991, leaving Russians face to face with the disappointing reality. Consequently, the citizens of the USSR were positioned by (mostly by the foreign media) as the side that lost the Cold

War. It may be said that the domestic economic situation, social chaos and political disintegration were very much similar to those of a nation that had really participated in the war and lost it. Later, it was the Russian media which contributed to this discourse during the media coverage of the wars in Yugoslavia and in Chechnya (Le, 2002: 389-391). In this regard the discourse of the influence of new Russia onto the world economics, politics and warfare is made to fill the gap between the “Soviet identity” and the new Russian identity that has been discursively constructed during the last 20 years.

The new discourse of Russian identity has borrowed much of its ideological material from the DNI of the Soviet Union (e.g. “Russia has been gaining in strength and becoming stronger”, “our economy has been growing”, “how new opportunities have been opening up for the people”, “great history”, “colossal resources”, “courage, industriousness and intellectual potential of our great nation”, “our children will be happy” and so on).

Superpower VS “colossal resources”. One of basic discursive links in the Russian DNI is the established relation “superpower – colossal resources”. It shows that new Russian ideology is not constructed on such mental facts as idealizations, abstractions and future representations. It is not based on “high ideas” of re-construction of the whole society. On the contrary, it has a rather pragmatic nature, meaning that the country does have the power but while it possesses resources and while they are of high demand. Unlike the Soviet ideology which was based on the communist beliefs and explanations, future projections and socialist norms of reality construction, new Russian ideology is not idealistic. It does explain the present and nearest future, it motivates and encourages, but it is based on the pragmatic (not idealistic) issues.

Semiotic parameter of DNI

The numerous detailed studies of the language of politics show that both vocabulary and grammar of political discourse are aimed at two major goals. The first one is redistribution and legitimization of power (e.g. “*all that we have managed to achieve*”, “*everything that we have done together*”, “*we are united people*”, “*we worked together to preserve our country*” and so on). The second is exercise of the abovementioned “ontological shift” when semantic vagueness and esotericism make it possible to manipulate with the meaning of texts and to objectivate subjective and connotative meanings. The same aim is perused by the application of emotionally high tone of the address (“*Be happy, dear friends!*”, “*we can triumph*”, “*with confidence and dignity*” and so on).

DNI is characterized by its pseudo-dialogical structure. Though such structure may obtain the qualities of a dialogue, it is actually a form of monologue, as it excludes critics and discussion which are integral elements of a real dialogue. This may be seen when such elements as appeals to the audience (“*Today I would like to say something special to you*”), exclamations (“*Be happy, dear friends!*”) and other devices are introduced into the discourse of address.

DNI appeals to the emotions of the audience and, thus, contains the variety of expressive language tools. Among such tools there are:

1. lexical (evaluative nominatives, attributives, positive and negative expressives – e.g. “In a few moments the dates on the calendars will change, but our essential values remain unchanging”);
2. rhetoric (epithets, metaphors, metonymies etc – e.g. “To whom we give the

warmth of our hearts”),

2.1. methods of rhetoric convergence (antithesis, gradations, repetitions ect – e.g. “This is a holiday filled with love for our dear ones, with the warmth of our homes. A holiday of hope and belief that everything will turn out the way we want it to turn out”). (Khachetsukova, 2007).

The expressivization of the language of DNI makes it easy to interiorize political values and objects; the address to emotions assumes of the subject would appropriate the referent of statement, he would personally “feel” the referent, and thus the identity is being more accurately formed .

The same goal is pursued by the usage of “soft” speech acts, which though do not directly persuade subjects to act in a special way, provide the context in which individuals behave as if their actions are based on their own will. Thus instead of frequently used declaratives and commissives, the representatives and expressives are introduced in the speech of the President. e.g. “To be sure, we have not managed to do everything”, “I am certain that we will be able to deal with whatever difficulties we may meet in the future”, “So may your most cherished dreams come true!”.

Such “manipulative” speech acts aim at perpetuation of communicative roles (and thus political positions) of communicants.

The famous and well-studied manipulative character of discourse is predetermined by the teleology of each of its components and is realized mainly through the language means of discourse. Jean Baudrillard discussing the language and speech tactics of political discourse noted that they are both built not so much on principles of coercion and motivation as on the principles of temptation. According to Louis Althusser, the power in society operates in such a manner that individuals do not feel the direct subjection to the agents of power, rather they are engaged into the relations of power by special language mediated process.

The extensive application of “soft” language and speech technologies in DNI proves that it is highly adoptive to both social and individual ratio and the unconscious.

Textual parameter of DNI

The discursive nature of national identity is largely formed on the basis of heterogeneous texts that play important role in its construction, perpetuation and change. The present-day social situation in Russia may be characterized in terms of expansion of DNI onto the vast number of types and categories of texts, genres and styles. This situation has direct relation to the social power and domination. For instance, it may be typical for the text of the president’s New Year’s address to contain elements of DNI (e.g. “territorial integrity”, “preserve our country”, “we are a united people” etc). However, when DNI is explicitly found in the texts of entertaining TV programs, humorous Shows or in the texts of scientific or medical sphere, we may say that we deal with the ideological project sponsored by the state apparatus. We draw an example from the recent news about the progress in the sphere of nanotechnologies. The analysis shows that the scientific progress is shown in terms of its impact on the national development and future of the country (e.g. “without semi-conductor electronic components Russia can not be a great power”) (Alferov, 2009). Though the text by the Nobel Prize laureate J. Alferov is positioned as scientific, such references as the one give above show that its teleology is formed by the

system of goals concerning the construction of DNI.

Contextual parameter of DNI

As T.A. Van Dijk states in his article “the critical aims of CDA can only be realized if discourses are related to structures of local and global contexts.” (Dijk et al 2001: 108-110). Thus the theory of contexts may open new perspectives for the study of social phenomena. Following the Dijk’s position, we would like to distinguish between local and global contexts of DNI in the president’s New Year’s address (op.cit).

The global context of the phenomenon is formed by the number of historical, social, political and cultural objects. Historically the main public holiday of Russia was Christmas; however it was changed by the New Year after the Socialist Revolution in 1917. The present generation of Russians preserves this tradition and regards the New Year’s Eve as a very special holiday. From the social point of view, the celebration of the New Year is preceded by the numerous social events that “prepare” people to the big celebration. Thus the audience of the president’s address is fully aware of the content and meaning of the message, which produces the special effect of sacred event. The political element of the context is formed by the highly institutionalized tradition of the New Year’s address. The address may be given solely by the president, the content of the address is highly institutionalized, its structure and its meaning must correspond to the previous addresses. (see Kondratenko, 2007). Culturally the context of the New Year’s address corresponds to the contemporary traditions of Russian New Year celebration; as such it is integrated into the system of customs and beliefs practiced by Russians during the last days of December and first days of January each year. What seems rather important is existential context of the address, which is rendered in individuals’ hopes and wishes for the next year and “justifying” their efforts and tries in the passing year. The speech of presidents is to shape, in a sense, these existential cares of individuals, due to verbal inclusion of viewers into one cooperate audience, united in “conversion” of individual hopes to “national” ones. As Putin announced in the New Year night 2007, “A holiday of hope and belief that everything will turn out the way we want it to turn out. That our life will become better. That our children will be happy. That our elderly people will be healthy and safe. That our country will become stronger and blossom”.

The local contexts of the address are constructed on one side by the solemn atmosphere of highly institutionalized political event (silhouette of Kremlin and national flag on the background, solemn music and the figure of president as a symbol). On the other side the audience expects that the address will create the atmosphere of the unity of both government and people and of the whole nation, that is united via the sacral symbol of presidency surrounded by the symbols of nationhood. As president Putin said in his New Year’s address on December, 31, 2007, “today I would like to say something special to you” (Putin, 2007). And it is something special that is supposedly expected by every Russian standing with the glass of champagne in front of the TV. There must be effect of the President speaking to the whole nation, on behalf of the nation, personally and to every person. This is achieved via several methods. First – the audience watches the President alone, for the last three years the addresses were given at a night time, thus the effect of the unique character of the event is created. Second, the President holds a glass of champagne in his hands and that is aimed at constructing the atmosphere of celebration (this

corresponds to the Russian tradition of saying speeches with the glass of alcoholic beverage at the festival table). Third, such elements as solemn music, silhouette of Kremlin, the national flag on the background of the speaker and the symbolic figure of the President himself are aimed at creating the solemn atmosphere of symbolic, sacred national-scale event.

Cognitive parameter of DNI

The cognitive parameter of DNI contains forms and methods of realization of cognitive goals - description and explanation of facts, construction and validation of assumptions and logic instruments of discourse.

It is often the point of critics of CDA, that the audience of discourse is portrayed as a passive mass that is the subject of manipulation of the social groups that have access to the various resources such as wealth, information, force (see on this works by M. Billig, P. Bourdieu and others). However the social situation is not solely reflected in various discourses. It is thus possible to describe the situation in terms of partial manipulation as it is critically evaluated by the actors. On the other hand, the distinctive feature of DNI is that once constructed, it spreads throughout the social and cultural field and may be shared by the vast majority of actors including those who were engaged into the construction of it. Unlike the political discourse, DNI may be the subject to change only in case of the radical transformation of the state or as a result of antagonism between DNI and discourses of other identities (such as ethnic or religious ones). Another peculiar cognitive characteristic DNI concerns its position in society. Unlike other discourses scattered in daily routine, DNI may be actualized as a special political tool in particular situations (the New Year's address is typically such a situation that may be characterized in terms of the processes of ideological interpellation of the whole nation).

As a solution of the problem of relations between subject and DNI Van Dijk introduces the cognitive level of discourse. That is the social discourses must have the corresponding cognitive structures which make them recognizable by subjects and locate discourses into the cognitive sphere of personal experience of the actors. (Dijk et al 2001: 108-112).

The distinctive cognitive feature of DNI is that it fixates the distribution of statuses of truth on the basis of the evaluation of the source of statement and the relations of a statement with the "general political line". In this regard the DNI produced during the New Year's address claims the status of ultimate truth. This tendency is reflected in all the basic cognitive processes of DNI: representation, categorization, interpretation and convention.

Political representation as a means of cognition mainly includes perception and representation of political objects. To represent in the sphere of politics means to predetermine the content of political objects in the minds of the audience. This is achieved by purposeful usage of special signs in discourse as in the following personal addresses, representing individuals as parts of the nation: "And this year our nation has been sorely tested, and has come through with confidence and dignity, thanks to you – its citizens" (Medvedev, 2008).

The main goal of categorization as a cognitive operation of distribution of discourse to different classes, genres, types, sorts of objects is segmentation of semantic space – distribution of political identities, creation of hierarchies of values and meanings. According

to T.A. van Dijk the political categorization is built on the basis of peculiar ideological mental schemata that include such categories as group identity, goals, values and norms, relations of status, resources and others. Concerning categorizations R.Barthes mentioned, that “any classification is a means of repression”. In the following passages Putin and Medvedev categorize Russian “resources of national success”: “We have everything to achieve our goal – our great history, colossal resources, courage, industriousness and intellectual potential of our great nation” (Putin, 2007); “In a few moments the dates on the calendars will change, but our essential values remain unchanging, these values – devotion to our loved ones, friendship, loyalty, sympathy and charity - remain as an anchor for us at all times” (Medvedev, 2008).

The operation of interpretation aims at transformation of formal symbols and notions into the language of comprehensive knowledge. The interpretations in political discourse are oriented at construction and reconstruction of reality. More importantly, the facts of particular political discourse may only be valid if they correspond to particular ideological world view. The sense-making in the sphere of politics according to Max Weber is based on legitimizing of peculiar evaluations and view-points. As Putin said in 2007, “to be sure, we have not managed to do everything. But I am quite certain that the road the people have chosen for Russia is the right road and that it will lead us to success”, and in 2006, “we are already looking into the future with greater confidence. We are substantially expanding the horizons of our plans. And this has become possible thanks to our common efforts in renewing and strengthening the country in recent years”. In these quotations we see how individual plans are interpreted in the nation-scale expand and legitimized to be due to the government efforts.

Convention as a cognitive operation is linked with the aspect of setting of norms of political institution. As any other social institute politics is based on the complex of artificial norms and conventions. In presidents’ speeches, due to their political pragmatics, there is no such format to establish norms and conventions, but they do actualize and reproduce stable values and norms: “Showing respect for people of the older generation is a sure sign of maturity of any society and its stability. The State must and will support and help people of the older generation” (Putin, 2006); “our essential values remain unchanging, these values – devotion to our loved ones, friendship, loyalty, sympathy and charity - remain as an anchor for us at all times” (Medvedev, 2008).

Communicative parameter of DNI

The communicative parameter of DNI consists of types of communication, methods of communication, specificity of audience of DNI and the specificity of communication systems used for construction, perpetuation and change of the discourse.

The process of ideological construction of DNI in post-Soviet Russia was shaped in late 90s, when the new Russian Government under president Putin took control over the country’s major communication and media channels. The power change was simultaneous with the radical change in the nature of the information transferred via mass media. Consequently, the present-day new Russian Identity is being formed mainly by means of television, other channels such as newspapers, radio and the Internet play secondary role. Thus, address of presidents to the audience is released by means of mainly TV (particularly federal TV channels), and not newspapers.

Communicatively, the addresses tend to use more informal than formal communicative elements (such as talk on families and relatives or use of routine “warm” lexical items – “dear”, “near”, “beloved”, etc.). The President with a glass of champagne in his hand looks more as a close communicator, than as “a remote hegemonic governor”; he releases the illusion of his presence at the festive table. The communicative distance is tending to be minimized, so that individuals would recognize themselves in the President as a supreme identifying subject.

Conclusion

In the present article we have discussed theoretical and practical approaches to the problem of national identity, based on the notion of its discursive nature and keeping in mind the complicated social and political situation in the present-day Russia.

We observed current scientific (mostly critical) approaches towards the methodological grounds of the research of DNI. The situation here may be characterized in terms of escalating of the studies of identities in various scientific fields together with the segmentation of the research of the national identity per se. In the second part we proposed the multifold cross-disciplinary model that may, in our opinion, serve as a way to unification of the disintegrated field of research of DNI. The model enables to combine different approaches and theories and create more effective research instruments. We have also made an attempt to show the link between parameters of DNI and the strategies aimed at construction of certain discourse of national identity in modern Russia. We have shown that DNI may not be described apart from the unity of social and cultural discourses which influence and determine it in different ways. Finally we may see that the unification of new approaches in cross-disciplinary sphere into the methodology of CDA provides new perspectives for understanding of the phenomenon of DNI and its connection with the social processes of dominance, hegemony and power in society. Finally, the article contributed to the solving of the problem of prevailing of “western outlooks, concepts, procedures, issues and date that dominate the field of language, communication and discourse...” (Shi-xu, 2005: 4). Thus we believe that the questions of cultural determination of political discourse and discourse of national identity have to become the point of major discussion in the relevant fields of contemporary discourse analysis.

References

- Alferov J. http://www.nanorf.ru/events.aspx?cat_id=227&d_no=1051
- Althusser, L. Ideology and Ideological state of apparatuses // L. Althusser. Lenin and Philosophy Other Essays. London: New Left Review, 1996. P. 34
- De Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The discursive construction of national identities//Discourse and society. Vol. 10(2). London: Sage Publications, 1999. P. 149-173.
- Dijk, T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998.
- Dijk, T.A. van Multidisciplinary CDA: a plea for diversity // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. R.Wodak, M. Meyer. London: Sage Publications, 2001. P.95-120.
- Dijk T.A. van Principles of Critical Discourse Analysis//Discourse and society, 1993; 4; 249. 2006
- Dijk T.A. van. Discourse and communication: a new journal to bridge two fields // Discourse and Communication. 2007. №1. P. 5.
- Fairclough, N. Critical discourse analysis. London: Longman, 1995
- Foucault M. Order of discourse (Фуко, М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.С.49-96).

Foucault M. Archeology of knowledge (Фуко, М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004).

Foucault M. History of madness. London: Rutledge, 2006.

Gromov I., Matskevitch I., Semenov V. Western sociology (Громов И.А., Мацкевич И.А. Семёнов В.А. Западная социология. СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. С. 531.).

Khachetsukova Z. Linguistic and rhetoric parameters of the Soviet official discourse during the Great Patriotic war period. (Хачецукова, З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной Войны (на материале передовых статей газеты «Правда»). Автореф. ...к.ф.н. – Краснодар, 2007).

Kondratenko N. New Year's address as ritual genre of political discourse: main macrostructured component and facilities of their representation. Internet article: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/45.htm>

Kozhemyakin E., Pereverzev E., Cross-institutional links of political discourse (Кожемякин, Е.А., Переверзев, Е.В. Межинституциональные связи политического дискурса // Вестник Поморского Университета. 2007. №6. С.59-65).

Kozhemyakin E. Discourse approach to the institutional culture. Belgorod: BSU Press, 2008 (Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. Белгород: изда-во БелГУ, 2008).

Le E. Human rights discourse and international relations: Le Monde's editorials on Russia//Discourse and society. Vol. 13(3). London: Sage Publications, 1999. P. 373-408.

Pereverzev E. Sociocultural specifics of the modern political discourse in China (Переверзев Е. Социокультурная специфика современного политического дискурса КНР. Дисс. канд. филос. наук, Белгород, 2008).

Sheigal E.. Semiotics of political discourse (Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004).

Shi-xu. A cultural approach to discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Wodak, R. Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage Publications, 2001.

Electronic resources

1. http://www.russiablog.org/2008/01/president_putins_2008_new_year.php
2. http://www.russiablog.org/2007/01/happy_new_year_from_russia_blo.php
3. http://www.russiablog.org/2009/01/russian_president_dmitry_medve_1.php
4. <http://www.dni.ru/polit/2005/10/4/70803.html>

ТЁН ВАН ДЕЙК

**ВОИНСТВУЮЩАЯ РИТОРИКА МЕЛКОГО СОЮЗНИКА:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТУРЫ И ЛЕГИТИМАЦИЯ АСНАРОМ
ВОЙНЫ В ИРАКЕ**

(Опубликовано: van Dijk, T.A. War Rhetoric of a Little Ally: Political Implications of Aznar's Legitimization of the War in Iraq / in T.A. van Dijk. Discourse and power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. pp. 185-210).

Мы рассмотрим некоторые свойства воинствующего парламентского выступления испанского премьер-министра Хосе Мариа Аснара в поддержку боевых действий США и их союзников против Саддама Хусейна в 2003 г. Одной из интересных контекстуальных особенностей речей Аснара в Кортесе (см. прим.1) стало то, что они прозвучали вразрез с общественным мнением, когда более 90% населения выступало против несанкционированной ООН войны в Ираке, включая Народную партию самого премьер-министра. Аснар совершенно проигнорировал как крупнейшие демонстрации, когда-либо проводившиеся в Испании (более миллиона человек в одной Барселоне), так и оппозицию в лице всех остальных партий, включая своих сторонников по коалиции, тем самым рискуя потерять много голосов на приближающихся выборах в городской совет в мае 2003 г. Хотя лично он и не выдвигался на переизбрание на следующих общих выборах 2004 г., зачем было премьер-министру таким образом совершать политическое самоубийство, подобострастно следуя за президентом Джорджем Бушем в качестве мелкого военного союзника, которого едва ли кто-то воспринимает всерьёз на мировой арене? Из-за консервативной идеологии, которую он разделяет вместе с нынешней американской администрацией? Из-за истинной обеспокоенности оружием массового уничтожения, которое якобы было у Саддама Хусейна? Или, возможно, с целью заручиться поддержкой Буша в локальном конфликте с террористической организацией ЭТА? В этой главе мы не будем заниматься этими и другими политическими спекуляциями касательно решения Аснара поддержать войну в Ираке, а более конкретно рассмотрим некоторые особенности речей, ставших дискурсным выражением суждений Аснара по общественным вопросам. Я буду рассматривать их на фоне более широких вопросов легитимации государственного насилия в виде войны, особенно после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. и международной антитеррористической истерии, которая за ними последовала.

Что более важно, я буду обращать особое внимание на то, что я называю политическими импликатурами речи Аснара, то есть на конкретные политические выводы, которые могут сделать на основе (своего понимания) этой речи и её контекста участники коммуникативной ситуации, например, члены парламента в парламентских дебатах.

Основа моей работы – междисциплинарное направление критического дискурс-анализа (КДА), в котором делается попытка свести социальное измерение проблемы к комплексному исследованию «треугольника» из дискурсного, когнитивного и социального её аспектов (van Dijk, 1993, 2003). Таким образом, в нашем случае мы заинтересованы не только в описании каких-то интересных особенностей политической риторики, но для объяснения их нам требуется связать их с такими социально-когнитивными представлениями, как отношения, нормы, ценности и идеология, например, с теми, которые Аснар разделяет вместе со своей партией, а также с социально-политическим контекстом его речей в современной Испании. То есть, политические дискурсы Аснара и их свойства, в конечном счете, должны рассматриваться не просто как тексты, но также как выражение политического сознания и как политические действия в политических процессах, таких, как партийная пропаганда и принятие решений на государственном уровне в парламенте, а также дипломатия, создание коалиций и политика власти на уровне международном. Это особенно верно для политического дискурса, анализ которого не должен ограничиваться структурными особенностями текста и выступления, но также учитывать их условия и функции в политическом процессе.

Корпус фактического материала для нас составляют четыре выступления Аснара, сделанные им на парламентских сессиях 5 и 19 февраля и 5 и 29 марта 2003 г. Однако, я буду цитировать примеры только из его первой речи от 5 февраля и сосредоточу внимание только на его мнении, проигнорировав в этой главе мнения других политиков и дискурсное взаимодействие в ходе дебатов.

Теоретическая база

Парламентские дебаты

На фоне более ранних работ по КДА в целом и политическому дискурсу в частности, теоретическая основа данного исследования в первую очередь включает в себя структуру и функции политических дебатов. Такие дебаты являются формой институционального вербального взаимодействия, а также специфическим жанром политического дискурса, а их общие свойства могут быть, таким образом, проанализированы на более широкой базе этих категорий дискурса. Как жанр политического дискурса, парламентские дебаты являются частным проявлением глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Что ещё более характерно, такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему. Следовательно, релевантные методы

анализа парламентских дебатов должны основываться на этих глобальных функциях и, соответственно, мы будем исходить из того, что и структуры речей в этих дебатах могут быть описаны как частные действия, направленные на общую реализацию этих глобальных политических функций. Именно на этой основе я буду определять и использовать понятие «политической имплицатуры» в дальнейшем.

Парламентские дебаты обладают рядом формальных свойств, которые мне придётся игнорировать в своём анализе, такими, как контроль за выступающими и очерёдностью выступлений со стороны спикера или президента, порядок и смена выступающих согласно членству в правительстве или в оппозиционных партиях, ритуальные формы обращения (напр., ‘Su Señoría’ на испанском языке) и формальный лексико-синтаксический стиль подготовленных обращений и официальных ответов на предыдущие выступления. Также, поскольку наши данные взяты из официальной записи, в них едва ли сохранились спонтанные формы речи и взаимодействия, такие, как наложения речи одного говорящего на речь другого, поправки, фальстарты и незавершённые предложения.

С политической точки зрения в этом случае более интересны, а в рамках КДА более уместны, семантические и риторические свойства выступления Аснара. Так, в речи, оправдывающей участие Испании в войне в Ираке, мы можем ожидать не только обычные глобальные стратегии легитимации, таких, как юридические, моральные или политические оправдания этого участия, но также и хорошо известные глобальные семантические стратегии положительного представления себя как *Мы* и негативного представления других как *Они*. Как и в случае многих других политических дискурсов после 11 сентября, *Мы* представляет собой западные демократии, которые борются против терроризма «стран-изгоев», а *Они* – это террористы или государства, которые нам угрожают, в нашем случае – конкретно Саддам Хусейн. Такая семантическая поляризация может риторически подчёркиваться обычными средствами, то есть гиперболами и метафорами о хороших качествах *нас* и плохих качествах, которыми обладают *они*.

Хотя существует совсем немного общих семантических ограничений для парламентских дебатов, которые в конечном итоге могут распространяться на многие разные темы, такая общая семантическая стратегия поляризации внутренней и внешней группы является достаточно общей и также зависит от политических функций таких дебатов. То есть, правительства и члены парламентов, которые их поддерживают, обычно представляют свои принципы и действия в положительном свете, а оппозиционные члены парламента, по определению, делают противоположное: отрицательно описывают, высказывают презрение или же подвергают нападкам эти принципы и действия. В своём анализе я просто обобщу некоторые особые формы, которые принимают семантика и риторика выступления Аснара.

Контекстуальные модели

Есть и ещё один фундаментальный аспект парламентских дебатов: контекст. То есть, многие формальные, семантические и риторические аспекты парламентских дебатов не являются специфическими и могут встречаться на других формальных мероприятиях или в другом политическом дискурсе. Это означает, что большинство уникальных свойств жанра политического дискурса контекстуальны: кто говорит и слушает, каковы их роли, какие действия они предпринимают, каковы их намерения и т.д. Как уже предполагалось выше, именно здесь нам следует наблюдать за *политическими* функциями дебатов как взаимодействия между членами парламента, предпринимающими особые политические действия с особыми политическими целями.

Такая формулировка контекстуального аспекта парламентских дебатов, тем не менее, остаётся достаточно нестрогой. Теоретически, здесь необходимо подчеркнуть, что не существует непосредственного взаимоотношения между текстом и контекстом, когда контекст определяется через такие аспекты политической *ситуации*, как члены парламента и их роли, действия и цели. Скорее, контекст может повлиять на то, что люди говорят или понимают, только тогда, когда он определяется как субъективный конструкт, зависящий от участника дискурса. *Не социальная или политическая ситуация сама по себе влияет на текст или речь, но скорее то, каким образом отдельные участники представляют, понимают или каким-либо иным образом конструируют ставшие релевантными для них свойства такой ситуации.* Таким образом, контексты являются не объективными, или «внешними», но субъективными конструктами участников. В терминах современной когнитивной психологии это означает, что контексты – это ментальные модели, представленные в эпизодической памяти, то есть контекстуальные модели. Эти контекстуальные модели управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса: речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т.д.

Хотя они и уникальны в каждой ситуации общения, представляя собой построение коммуникативной ситуации каждым участником *ad hoc*, общий формат контекстуальных моделей, безусловно, более всеобъемлющ, хотя и культурно дифференцирован. Членам парламента не нужно всякий раз изобретать стандартные категории той структуры, организующей контекстуальные модели дебатов, в которых они участвуют.

Политические имплицатуры

Свойство речи Аснара, на котором я бы хотел заострить внимание, это *политические имплицатуры* его выступления. Эти имплицатуры должны быть определены в рамках теории контекста, кратко сформулированной выше, то есть в терминах контекстуальных моделей участников с их собственной политической идентификацией, ролями, целями, действиями и убеждениями. Я выбрал термин «имплицатуры», а не «импликации» (см. прим.2), поскольку здесь делаются не семантические, а прагматические или контекстуальные выводы. В

речи Аснара, конечно же, есть масса семантических импликаций, например, когда он описывает «плохое» поведение Саддама Хусейна. Большинство из этих семантических импликаций в нашем случае связаны с Ираком и политикой Испании. То есть, они выводятся из темы выступления, а также из наших общих знаний об Испании, терроризме, международной политике, Ираке и т.д. Понимание этих выступлений во многом опирается на такие семантические выводы, которые отчасти являются общими, отчасти носят более личный характер или переменны. Так, когда Аснар в начале своей речи определяет ситуацию в Ираке как «кризис, с которым столкнулось» мировое сообщество, здесь (политическая) импликация заключается в том, что Ирак представляет собой угрозу для «нас».

Имплицитурь, с другой стороны, обычно определяется как слабые семантические импликации, или же с точки зрения прагматики – через контекст (Atlas, 2000; Gazdar, 1979; Grice, 1989; Levinson, 2000). Моё употребление этого термина будет ограничено прагматикой контекста, и я, таким образом, буду определять политическую имплицитурь как имплицитурь, основанную на политическом контексте. Например, когда Аснар подчёркивает, что, несмотря на его поддержку войны в Ираке, его политика миролюбива, он не только делает утверждение о войне в Ираке и своей политике, которое можно анализировать семантически, но это заявление также следует понимать и как защиту правительственной политики премьер-министра, лидера правящей Народной партии, и как реакцию на критику со стороны граждан и оппозиционных партий, и как действие, имеющее политической целью легитимацию весьма спорных решений.

Таким образом, каждый фрагмент его выступления может быть проанализирован ещё и через его функции в текущей политической ситуации – в частности, в пределах парламента на проходящих дебатах, а в целом – в нынешней политической ситуации, например, легитимации собственной политики и делегитимации оппозиции, а также других стратегий.

Политические имплицитурь приписываются участникам как производные от трёх различных источников:

- 1) представления участников о структуре дискурса и её значениях (такие, как ментальные модели ситуации в Ираке);
- 2) создаваемые участниками контекстуальные модели текущей коммуникативной ситуации;
- 3) более общие знания участников о политической ситуации в мире и в стране. В приведённых ниже примерах я более подробно покажу, как могут выводиться подобные имплицитурь. Делать я это буду более или менее неформальными методами, однако необходимо подчеркнуть, что при более развёрнутом теоретическом описании нам потребовалось бы подробно расписать содержание контекстуальных моделей, как и стратегии умозаключения, которые позволяют участникам – в данном

случае членам парламента – делать те или иные выводы. Те направления в КДА, конверсационном анализе и политическом дискурс-анализе, которые игнорируют когнитивный компонент, вынуждены либо игнорировать такие «ненаблюдаемые» импликатуры, либо сводить их к особенностям дискурса или неопределённым контекстам. Более того, удовлетворительное описание (прагматических) политических импликатур предполагает развёрнутую теорию контекста, что мы вкратце показываем.

То, что такие импликатуры фактически релевантны политическому дискурс-анализу, не только очевидно для участников и аналитиков, обладающих релевантным политическим знанием текущей политической ситуации, но, что характерно, они могут сигнализироваться участниками при реакциях на предыдущие выступления. Это, однако, не является необходимым условием нашего анализа – политические импликатуры могут определяться и косвенно, в последующих интервью участников таких дебатов или другими методами, и не обязательно явно сигнализируются в речи самих участников. Действительно, они, как правило, осознаются и в последующих выступлениях и текстах уже принимаются как пресуппозиции. Последующие комментарии о парламентских дебатах в СМИ часто фокусируются именно на этих невыраженных явным образом политических импликатурах. Политические импликатуры *объясняют*, что говорят участники политического дискурса и почему они это говорят. Они прежде всего определяют фундаментальную политическую точку зрения в парламентских дебатах – в частности, «правительственность» или «оппозиционность», а в более общем смысле – институциональные и политические правила силовой игры, которая разворачивается в парламентах. Путём анализа политических импликатур мы, таким образом, показываем, почему разворачивающийся политический дискурс релевантен для политического процесса.

Методы

В приведённом ниже анализе я выберу ряд характерных фрагментов из речи Аснара, поскольку они обладают типичными хрестоматийными свойствами политического дискурса, такими, как положительное описание группы «свои» и отрицательное описание группы «чужие», а также другими стратегиями парламентских дебатов. Эта подборка и краткая её характеристика показывают, как Аснар участвует в политическом дискурсе, известные структуры и стратегии этого дискурса, особенно в связи с войной в Ираке. В то же время эти примеры и их (в основном семантический) анализ должен помочь в рассмотрении собственно политической проблемы, а именно того, как политические лидеры проводят легитимацию спорных политических решений. Чёткой процедуры исследования таких структур политического дискурса не существует, а, следовательно, нет и процедуры выбора анализируемых фрагментов, кроме тех, которые предсказываются общими теориями политического дискурса и парламентских дебатов в частности.

Помимо этого краткого анализа, мы будем обращать внимание на детали политических импликаций каждого фрагмента, тем самым выявляя их политические функции и рациональные объяснения этих дебатов в испанском Кортесе. Я предполагаю, что именно так члены парламента, как и осведомлённая общественность в целом, воспринимают эти дебаты. Очевидно, полный анализ всех политических импликаций этой речи потребовал бы сотен страниц детального описания, поэтому мы ограничимся небольшим количеством характерных примеров.

Определение ситуации

Многим типам дискурса, таким, как редакторские колонки или выступления в парламентах, присуща вводная схематическая категория, которую можно назвать *определением ситуации*. Эта категория имеет значение для дискурса, основная цель которого – прокомментировать социальную или политическую ситуацию, дать рекомендации по конкретным действиям, оправдать или узаконить те или иные действия. Так, если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (обычно подвергаемые критике), есть смысл описать такую ситуацию, в которой эти действия выглядят необходимыми, логичными, понятными, неизбежными или приемлемыми по каким-то другим соображениям. Как правило, существуют нормативные акты (и международное право), позволяющие людям и государствам защищаться, когда они подвергаются нападению – и американские политики, учёные и военные оправдывали войну в Ираке именно на этих основаниях (анализ таких форм легитимации см, напр., в Borch и Wilson 2003; а также Nye, 2000; Dinstein, 2001; Rodin, 2002; Chomsky, 2003; Christopher, 2003; Daalder и Lindsay, 2003; Falk, 2003; Newhouse, 2003; Walzer, 2004).

Таким образом, если Аснару требуется защитить свою крайне непопулярную политику в отношении Ирака, ему, прежде всего, необходимо изложить политическую ситуацию, которая делает такую его политику понятной, разумной и законной. Именно это он и делает в первых же словах своего вступления, где определяет ситуацию как кризисную:

(1) El señor PRESIDENTE DEL GOBIERNO (Aznar López): Señora presidenta, señorías, al comenzar el periodo de sesiones, comparezco esta tarde ante la Cámara para informar a SS.SS. de la posición del Gobierno ante la crisis que enfrenta a la comunidad internacional con Irak.

Председатель правительства (Аснар Лопес): *Госпожа председатель, уважаемые господа, в самом начале этой сессии, сегодня, я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство в виду кризиса, связанного с Ираком, который противопоставляет себя мировому сообществу.*

Поскольку политики, парламентарии, и особенно правительства должны принимать меры, когда наступает «кризис», это очень убедительный способ изначально определить ситуацию. В самом деле – ведь и оппозиция, несомненно, описывает текущую ситуацию как кризис, хотя бы в силу надвигающейся войны, которой грозят США и Великобритания. При этом отметим, что в самом первом своём предложении Аснар обвиняет в кризисе не тех, кто его начал своими военными планами, а именно США и Великобританию, а Ирак. Явная политическая импликация этой первоначальной обрисовки ситуации, таким образом, в том, что именно Ирак несёт ответственность за этот кризис, а выбор слова «противопоставлять» (*enfrenta*) в дальнейшем подтверждает то, что «мы» являемся жертвами конфронтации. Во-вторых, кризис представляется не как затрагивающий только лишь правительство Аснара, но как кризис, влияющий на всё мировое сообщество. Такая формулировка и её (нестрогие) импликации – один из способов противостоять аргументам, утверждающим, что это конфликт только по определению США и их союзников, но не мирового сообщества.

Помимо этих (семантических) импликаций в этой речи есть также целый ряд политических импликаций. С самого начала и далее по тексту Аснар показывает, что полностью осознаёт свою позицию, позицию своей партии, а также оппозиции и большинства населения по вопросу об Ираке. Таким образом, в сложившейся ситуации ему крайне важно не только то, чтобы «содержание» его речи стало эффективным инструментом в общей стратегии продавливания его политики, но и чтобы он выглядел хорошим, ответственным партийным лидером и премьер-министром и чтобы у оппозиции, следовательно, не было «аргументов». Так, вместо того, чтобы прямо начать свой доклад с изложения политики испанского правительства по Ираку, Аснар предваряет своё выступление явной дейктической формулой, призванной обрисовать причину самого его «появления» в парламенте.

Такие перформативы могут быть всего лишь более или менее формальными средствами обращения, однако в данном случае они содержат также и особые политические импликации: оппозиция (а также СМИ и прочая элита) обвиняли Аснара в том, что он игнорирует мнение парламента и общественности, не информируя их по вопросам правительственной политики в отношении Ирака. Таким образом, сделав своё «появление» и «доклад» открытыми для членов парламента с самого первого предложения, он в политическом смысле намекает на то, что 1) он работает как парламентарий, 2) он прислушивается к мнению оппозиции и народа, и поэтому хороший демократ, 3) предшествующая критика в его адрес больше не актуальна и 4) те, кто формулировал предыдущие критические замечания – например, оппозиционная партия ПСОЭ – не имеют на то оснований. Эти и, возможно, другие политические импликации могут рассматриваться как часть контекстуальной поляризации с целью сохранить лицо – т.е. представить себя с положительной стороны, а других – с отрицательной и, конечно же, провести

политическую контратаку.

В то же время, Аснар делает политический намёк на то, что его правительство – это часть «нас», то есть принадлежит к внутренней группе под названием «мировое сообщество», а это импликатура, вызывающая целый ряд других политических импликатур. А именно: его политика идёт в ногу с политикой мирового сообщества, и, следовательно, – легитимна, а вот оппозиция, которая не желает вступать в войну (и которая, придя к власти в марте 2004 г., немедленно приняла решение отозвать испанские войска из Ирака) не является частью мирового сообщества и, следовательно, менее легитимна в своих заявлениях. Действительно, следуя политической логике президента Джорджа Буша, можно сделать вывод, что если оппозиция не «мировым сообществом» (т.е. США, Великобританией и некоторыми другими странами), то она против него и, возможно, даже играет на руку врагу, Саддаму Хусейну.

Как предполагалось выше, формулировка этих импликатур делается неформально, но вполне годится для целей данной главы. Более формальное описание потребовало бы экспликации точных контекстуальных моделей Аснара и членов парламента, чтобы можно было показать, как исходные политические знания, представление ситуации и ментальная модель, представляющая семантическую интерпретацию данного фрагмента в совокупности, дают информацию, необходимую для вывода правильных политических умозаключений.

После этой вступительной, а, следовательно, тематически глобальной, обрисовки ситуации (как в заголовке газетной статьи) и её общих контекстуальных импликатур, Аснару необходимо представить специфику ситуации кризиса и дальнейшие аргументы, которые позволили бы ему, во-первых, определить ситуацию как кризисную, а во-вторых, объяснить позицию его правительства в этой критической ситуации. Именно это он и делает, теперь уже явно приписывая вину в создании кризиса Ираку:

(2) La crisis es consecuencia del reiterado incumplimiento por parte de Irak de sus obligaciones internacionales y de las resoluciones del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. A poco que hagamos memoria, vemos que no es más que un nuevo episodio del problema surgido en 1990, cuando el régimen iraquí invadió Kuwait. (Rumores)

Этот кризис – следствие систематических отказов со стороны Ирака выполнять международные обязательства и резолюции Совета Безопасности ООН. Не трудно увидеть, что это – ещё один эпизод проблемы, которая возникла в 1990 г., когда иракский режим вторгся в Кувейт. (Шум в зале).

Отметим, что здесь Аснар идёт гораздо дальше простых обвинений Ирака в создании кризиса. Помимо прочего, он говорит, делает и имплицитует следующее:

а) Приписывая отказам Ирака атрибут «систематические», он

семантически акцентирует серьёзность отказов, а, следовательно, серьёзность кризиса, тем самым создавая основу для дальнейших обвинений в адрес Ирака и легитимации войны. Такой риторический акцент предполагает нормативный или юридический вывод о том, что если отрицательное действие (такое, как отказ выполнять договорённости) не является непреднамеренным или исключительным и происходит не в первый раз, то его систематичность делает его преднамеренным и отягчает вину нарушителя.

б) Указывая на международные обязательства и Совет Безопасности ООН, он подчёркивает, что Ирак отвергает высшую в мире власть и более ранние официальные резолюции. Опять же, этим акцентируется «официальная» вина Ирака, а заодно и легитимность, если не обязательность, осуждения Ирака и принятия против него решительных мер.

в) Во втором предложении Аснар ссылается на первую войну в Персидском заливе, в которой агрессия Ирака (Саддама Хусейна) была очевидна из-за вторжения в Кувейт. Называя текущую ситуацию продолжением того вторжения, Аснар делает политический намёк, как минимум, на два других обстоятельства: что Ирак, несмотря на то, что он теперь не вторгается в другие страны, всё равно виновен в провокации международного кризиса и, во-вторых, что сейчас, как и в 1990 г., международные (военные) действия против Ирака законны. То, что эту импликацию поняли, но отвергли как причину легитимации новой войны, очевидно по протестам со стороны других членов парламента, здесь обозначенным как «шум в зале» (*rumores*) в стенограмме журнала сессионных заседаний.

Это дальнейшее определение ситуации как кризиса, спровоцированного Ираком, одновременно подчёркивает серьёзность кризиса и вину Ирака, бросающего вызов высшей власти в мире. Достигается это путём ассоциации себя с этой властью (Совет Безопасности ООН), что в итоге направлено на легитимацию международной акции против Ирака, который систематически не выполнял требования ООН ещё с момента вторжения в Кувейт.

Другими словами, первоначальное определение ситуации заключается в том, что Аснар тщательно формулирует её таким образом, чтобы она соответствовала его собственной политике. То есть, в его речи даётся не только описание международного кризиса, но и формулируется оно таким образом, что ментальная модель события, которую это описание выражает и передаёт, получается именно такой, какая выгодна Аснару для убеждения парламентариев. В то же время импликации такой обрисовки дают целый ряд аргументов в пользу легитимации политики Аснара, позволяя ему: обрисовать текущую ситуацию как кризис; обвинить Ирак в том, что он не согласен с решениями Совбеза ООН и, следовательно, нарушает международные резолюции; обрисовать эти нарушения как продолжение агрессии со стороны Ирака и, следовательно, легитимность отпора Ираку путём военного вторжения, как в случае с войной в Персидском Заливе. В самом деле, поскольку диктаторов в мире много, сам факт угнетения Саддамом Хусейном иракского народа не является поводом для легитимации войны против него на международном

уровне. Поэтому просто необходимо выдвинуть любое свидетельство или аргумент, на основании которого его можно признать виновным в нарушении именно международных законов либо же обрисовать его нынешнюю политику как аналогичную той, которая ранее привела к (оправданной) войне.

Мы видим, что Аснар в своей речи тщательно придерживается этой тактики легитимации. Хотя все эти импликации и являются лишь способами узаконить его собственную политику на государственном уровне, они в то же время носят международный характер по кругу затрагиваемых вопросов и перекликаются с импликациями внешней политики США и Великобритании.

Но Аснар не просто солидаризируется с Бушем и Блэром – в парламенте ему необходимо защитить такую политику от жесточайшей оппозиции, а во всей Испании – от практически единодушного общественного презрения. Это означает, что нам необходимо также сделать из его выступления политические выводы, касающиеся его отношений с парламентской оппозицией и общественным мнением, то есть в терминах контекстуальных импликатур. Другими словами, Аснар не просто говорит об Ираке или о политике своего правительства – ему также нужно проявить свою власть в парламенте и в стране. Он делает это имплицитно, путём поляризации, согласно которой себя он ассоциирует с «хорошими парнями», а тех, кто противостоит войне – со сторонниками Саддама Хусейна, врагом. Опять же, этот ход – часть идеологической стратегии положительного представления себя и отрицательного представления другого. Поступая так, он не только оправдывает свою политику, но также объявляет неоправданной политику тех, кто противостоит войне, в особенности оппозиционных политических партий, таких, как ПСОЭ (Испанская социалистическая партия). Как и предполагалось выше, такие политические импликатуры выводимы из общих знаний о политике и контекстуального понимания текущей политической ситуации, например, в Испании. Цепочку политических выводов в этом случае можно представить приблизительно так:

- Я делаю то, что мне полагается делать по правилам.
- (Следовательно) Я выполняю свою работу премьер-министра.
- (Следовательно) Я соблюдаю правила нашей демократии.
- (Следовательно) Я демократ.
- (Следовательно) Я хороший политик.
- (Следовательно) Нет оснований (в данном случае) критиковать меня и моё правительство.
- (Следовательно) Критика оппозиции (или других) необоснованна.
- (Следовательно) Оппозиция плохо справляется со своей работой.
- (Следовательно) Оппозиция – это нехорошо.

Эмпирически эти выводы обеспечиваются в ситуации, когда они соответствуют тому, как компетентные участники политического дискурса в действительности понимают утверждения Аснара – и это понимание может выражаться в реакции на его речь.

Положительная самопрезентация

Как мы уже увидели на примере Аснара, выступающие предпочитают описывать себя с положительной стороны. Эта тенденция – часть хорошо изученной социокогнитивной стратегии взаимодействия – представлять себя в положительном свете или, как минимум, избегать отрицательных образов и в целом производить впечатление на наших собеседников. То же самое справедливо и для большинства форм общественного дискурса, где хорошее впечатление может быть даже более важным, чем в неформальном повседневном общении, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной или политической репутации, который может стать следствием «неправильного» представления Себя. Это особенно важно в политике, где в первую очередь оппозиционные политики, а также СМИ и косвенно широкая общественность воспринимают сообщения критически, и где неосторожный шаг может стоить голосов на следующих выборах. Следовательно, мы можем ожидать, что Аснар также будет прибегать к многочисленным и разнообразным формам положительной самопрезентации, особенно учитывая сокрушительную критику его позиций по вопросу Ирака, поступившую из СМИ и большинства других политических партий, как и от основной массы населения в целом. Вероятно, мало по каким вопросам, выносившимся на дебаты в Испании в последнее время, критика оппозиции проникала так глубоко. Другими словами, Аснару требовалось серьёзно поправить свой имидж. Давайте рассмотрим некоторые из его ходов в этом направлении. Вот первый пример, в самом начале выступления:

(3) Esta comparecencia continúa la información proporcionada a SS.SS. por el gobierno anteriormente. En concreto, el Gobierno ha informado sobre la situación de Irak por medio de la comparecencia de la ministra de Asuntos Exteriores en un total de cinco ocasiones, la última el viernes pasado ante la Comisión correspondiente. Yo mismo he comparecido para dar cuenta de la posición del Gobierno en otras dos ocasiones. El Gobierno también ha contestado por escrito a diversas preguntas que se le han formulado sobre la cuestión. A la comparecencia de hoy seguirán otras más o de los ministros de Asuntos Exteriores y de Defensa, en función de los acontecimientos y según la forma que requiera la evolución de esta crisis, conforme al Reglamento de la Cámara.

Я представляю ту информацию, которую уважаемые господа парламентарии могли и раньше получить у правительства. В частности, правительства предоставляло эту информацию о ситуации в Ираке в виде пяти презентаций министра иностранных дел – последняя такая презентация для соответствующего комитета была в минувшую пятницу. Я сам дважды выступал здесь с отчётом о позиции правительства. Правительство также дало письменные ответы на ряд вопросов по данной проблеме. За нынешней презентацией последуют другие, которые буду делать я сам либо министры иностранных дел и обороны, в зависимости от событий, связанных с развитием кризиса, и в соответствии с правилами, принятыми в парламенте.

Зачем Аснару понадобилось приводить столько подробностей его регулярных «появлений» в парламенте? Вполне очевидный ответ находится в связи с (предполагаемой) критикой со стороны оппозиции, а именно в том, что Аснар, в отличие от Тони Блэра, практически *не* пытался объяснить или оправдать свою политику в отношении Ирака и тем самым выказывал надменность по отношению к оппозиции, выступавшей против военного решения проблемы. То есть, чтобы показать, что он не надменный, а наоборот демократ, прислушивается к людям и следует (как он прямо заявил) правилам, принятым в парламенте, он подчёркивает своё согласие с правилами демократии. Ему не надо прямо заявлять, что он демократ и всецело уважает пожелания парламента – этот пассаж с политической точки зрения имплицитно включает все эти значения для политически подкованной аудитории. В каждом моменте своего выступления Аснар тщательно взвешивает возможные политические импликации того, что он говорит, подчёркивая те места, которые показывают, что он (или его партия) подчиняется основным политическим требованиям демократии, а также более общим нормам и ценностям. А вот те элементы его выступлений и политики в целом, которые могут быть истолкованы отрицательно, он оправдывает или не заостряет на них внимание, тем самым стремясь избегать отрицательного впечатления или оспорить его причину.

По всему выступлению Аснар использует много разных форм положительной самопрезентации. Рассмотрим некоторые примеры:

(4) El Gobierno, señorías, desea la paz y está trabajando activamente para asegurarla. (p. 11250)

Правительство, уважаемые господа, желает мира и активно работает над его обеспечением (с. 11253).

(5) España ha mantenido siempre una actitud constructiva en el conflicto de Oriente Medio. (p. 11253)

Испания всегда придерживалась конструктивного отношения к конфликту на Среднем Востоке

(6) Señora presidenta, señorías, soy bien consciente de que lo que esta tarde tratamos en la Cámara es algo que afecta de manera profunda a los sentimientos, también a las convicciones y también, por supuesto, además, a la razón. Siento el mayor respeto por todas las posiciones que se puedan manifestar en esta sesión... (Rumores). (...) Nadie tiene el monopolio de la razón, como nadie tiene el monopolio de los buenos sentimientos. Comprendo que lo que tratamos son decisiones difíciles y que ninguno queríamos estar en la situación que estamos.

Госпожа председатель, уважаемые господа, я прекрасно понимаю, что тот вопрос, который мы разбираем сегодня в этом парламенте, глубоко трогает наши чувства,

убеждения и конечно наши умы. Я выражаю глубочайшее уважение ко всем точкам зрения, которые могут быть выражены на этой сессии... (Шум в зале). (...) Никто не обладает монополией на разум, как никто не обладает монополией на чувства. Я понимаю, что сейчас у нас трудная сессия и что никто не захотел бы оказаться в той ситуации, в которой оказались мы с вами.

Здесь представлены три различных типа самопрезентации, а именно, когда выступающий говорит от лица своей группы или организации (здесь – правительства), как в примере 4, когда выступающий говорит от лица своей страны (пример 5) и когда выступающий говорит от своего лица, как в последнем и наиболее значимом примере. В то время как первые два типа самовосхваления типичны для политики, последний носит личный характер и направлен на то, чтобы подчеркнуть доброту характера выступающего. Во всех случаях эти формы поздравления самого себя интерактивны и отвечают на реальные или возможные проявления критики со стороны оппонентов Аснара – по мере их оценки политического контекста его выступления. Пример 4 наиболее показателен. Поскольку Аснара и его правительство многие обвиняли в разжигании войны, ему нужно подчеркнуть, что он и его правительство (конечно же) стремятся к миру – самоочевидная и хорошо известная догма, широко используемая даже для легитимации войн и агрессий и являющаяся частью общей стратегии позитивной самопрезентации и негативной презентации другого: *Мы* мирные люди и просто защищаемся, а вот *Они* – агрессивные и хотят войны.

Дальше мы увидим, что в этом и многих других фрагментах Аснар, тем не менее, добавляет, что это должен быть «безопасный мир».

Второй случай более общий и является ответом на реальную или предполагаемую критику по поводу того, что, поддержав США в войне против Ирака, Испания может утратить доверие арабских государств. Третья форма самопрезентации, которую также можно описать как первую часть (сложного) опровержения, а именно – в форме открытого сочувствия, направлена на то, чтобы показать: он не жестокосердный государственный политик, который пренебрегает чувствами, мнениями и доводами всех тех, кто выступает против войны – а это, ни много, ни мало, подавляющее большинство населения Испании и все политические партии, представленные в парламенте, кроме его собственной. Пренебрежение к этим чувствам и убеждениям позволит сделать вывод не только о том, что у него самого нет чувств и сострадания, но и о том (и это, возможно, более важно), что он не демократ, поскольку не рассматривает мнения всех тех, кто против войны. Действительно, уважение – одна из главных ценностей как в повседневной коммуникации, так и в политике. Важно то, что он подчёркивает эти характеристики, особенно перед лицом настойчивой критики со стороны других политиков, СМИ и большей части населения в том, что его военная политика не учитывает мнения подавляющего большинства людей в Испании. В последней части примера 6 он продолжает этот важный

фрагмент выступления догмой о равенстве, сформулированной в виде повторяющегося отрицания и параллельных конструкций с целью усиления воздействия. Эту часть также можно интерпретировать как часть стандартного опровержения, а именно – как явную уступку («Возможно, я ошибаюсь, но...»), однако с учётом политического контекста интерпретация скорее должна быть такова, что Аснар считает: «добрые чувства» испытывает не одна только оппозиция. Однако, в дальнейшем своём выступлении Аснар пренебрегает этими чувствами «сострадания» и просит об «ответственной» (а, следовательно, неэмоциональной) поддержке своей политики. Таким образом, все его положительные шаги в этом направлении можно интерпретировать как первую часть затяжного опровержения. Действительно, как и предполагалось, в другом пассаже, направленном на положительную самопрезентацию, а заодно и легитимацию своей политики, Аснар добавляет, что «жесткий и решительный» ответ Саддаму Хусейну – это и есть «ответственная» политика, поскольку только так можно наилучшим образом служить интересам Испании:

(7) [La posición] . . . que le corresponde tomar a un gobierno español que atiende a los intereses permanentes de nuestro país. (p. 11254)

[Позиция,]...которую должно занять испанское правительство, озабоченное вечными интересами нашей страны (с. 11254).

(8) Creo sinceramente que hoy estoy cumpliendo lo que reclamé cuando encabezaba la oposición, lo que me comprometí al ser elegido presidente del Gobierno, lo que creo más razonable y lo que creo que conviene mejor a España y a los españoles.

Я искренне убеждён, что я делаю то, чего требовал ещё возглавляя оппозицию и чему я посвятил себя, когда был избран председателем правительства; то, что я считаю наиболее разумным и правильным для Испании и испанцев.

Обратим внимание, что в этих примерах, взятых из заключительных слов его речи, перед тем, как поблагодарить председателя Кортеса, он интересным образом сочетает различные формы положительной самопрезентации, такие, как панегирик своему правительству с упором на личный вклад, разумность и откровенность. С политической точки зрения особенно релевантным является, конечно же, заявление о том, что политика его правительства – это благо для страны. Однако, с личной и коммуникативной точек зрения важнее то, что он представляет себя заслуживающим доверия и честным политиком.

Анализ этих примеров – это не просто очередная иллюстрация известной стратегии положительной самопрезентации, и её функций в политических выступлениях. Моя точка зрения, и основной довод этой главы, заключается в том, что неформальный анализ различных типов положительного представления себя и работы на имидж, представленные выше, проливают свет на целый ряд политических импликаций, которые нельзя подвергнуть простому

семантическому анализу, так как они предполагают на глобальном уровне детальные *контекстуальные* знания текущей политической ситуации в Испании и мире (иракский кризис), а на частном уровне – также коммуникативной и политической ситуации в Кортесе на момент произнесения им речи. Существует множество способов и уровней «понимания» его речи, но с политической точки зрения уместно будет учесть политические интересы Аснара и то, каким образом каждый ход в его выступлении также выполняет особую функцию в политическом процессе. Эти функции, хотя они релевантны и осознаются всеми осведомлёнными участниками дискурса, редко получают эксплицитное выражение и включены в политические импликатуры, которые участники выводят из каждого момента политического выступления.

Негативная репрезентация других

В политическом или ином идеологизированном дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого по принципу известной психологической поляризации «свой – чужой». Так, в выступлениях, которые нацелены на оправдание или легитимацию войны, унижение противника является исключительно важным, как мы видели в выступлениях Буша, Блэра и их сторонников. Хотя поначалу Саддам Хусейн рассматривался и пользовался поддержкой как сторонник (например, против Ирана), с момента оккупации Кувейта он стал повсеместно изображаться любимым злодеем Запада – как в политике, так и в СМИ (Martín Rojo, 1995). Поэтому нет ничего удивительного в том, что с внезапным возникновением интереса Буша и К^о к «странам-изгоям» и «международному терроризму» после атак 11 сентября Садам Хусейн быстро стал негодяем номер один, когда не удалось быстро поймать Усаму Бен Ладена. Это и другие фоновые события и попытки легитимации войны против Ирака, конечно, тоже обыгрываются в дискурсах союзников США, а именно Великобритании и Испании, и мы, соответственно, можем ожидать, что Аснар будет активно унижать Саддама Хусейна в своих выступлениях. Более того, эти аргументы сильны не только тем, что Хусейн безусловно был диктатором, жестоко угнетавшим народ Ирака, но и тем, что их вряд ли стала бы оспаривать левая оппозиция, которая с такой формулировкой вполне согласна. Таким образом, публичная порка Саддама вполне согласуется с гуманистическими, левыми взглядами, и поэтому является замечательной тактической уловкой. Если война против Саддама Хусейна и не была в строгом смысле легальной, то имелся, по крайней мере, хороший аргумент для оправдания её с чисто гуманистических позиций. Однако, как мы знаем, чтобы не нарушать международных конвенций, было решено официально мотивировать войну угрозой оружия массового уничтожения, а не диктатурой Саддама Хусейна или нарушением прав человека – этот аргумент мог применяться ко многим другим странам и диктаторам.

Отсюда неудивительно, что Аснар подчёркивает отрицательные характеристики врага, Саддама Хусейна, например, в следующем пассаже:

(9) El de Sadam es un régimen de terror que no ha dudado en emplear armas de destrucción masiva en las guerras que ha promovido contra sus países vecinos y contra su propio pueblo.

Режим Саддама – это режим страха, который без колебаний применил оружие массового уничтожения в войне, которую вёл против соседних стран и против собственного народа.

Анализ этого и других пассажей соответствует проведённому ранее анализу политической риторики в целом и по Саддаму Хусейну в частности, и мы не будем на нём задерживаться. Так, мы находим здесь привычные формы гиперболы, крайности в формулировках и характерный набор лексических единиц (таких, как ‘terror’, ‘armas de destrucción masiva’ (см. прим.3)) наряду со многими другими формами отрицательной характеристики лица или группы лиц.

Основная цель данной главы – не простое описание политической риторики и способов легитимации, а изучение контекстуальных функций таких стратегий в нынешней политической ситуации и политическом процессе. Почему *сейчас* политически уместно и важно повторять и подчёркивать то, что Садам Хусейн – это очень плохой парень? В конце концов, здесь нет особого противоречия с оппозицией или общественным мнением в целом, поэтому, вроде бы, и нет смысла по этому вопросу спорить и кого-то убеждать. Так каковы же политические импликации унижения Аснаром Саддама Хусейна в данном случае? Выпишем некоторые из них:

- Если социалистическая оппозиция (прежде всего ПСОЭ) не хочет воевать против Саддама Хусейна, то она, фактически, играет на руку Саддаму Хусейну. Все мы знаем, что он – жуткий диктатор, но оппозиция, тем не менее, его поддерживает – даже вопреки интересам населения Ирака. Это явно не соответствует гуманистическим и общественным ценностям, провозглашаемым (социалистической) оппозицией. Так что, не поддерживая войну против Саддама Хусейна и, соответственно, нашу политику, социалистическая оппозиция предаёт собственные принципы, следовательно, ей доверять нельзя.
- С другой стороны, поскольку Аснар желает поддержать коалицию, стремящуюся разгромить такого ужасного диктатора, как Садам Хусейн (потому что он представляет опасность для всего мира и для своего собственного народа), он выполняет свои обязанности как ответственный премьер-министр.
- Описывая и подчёркивая такие характеристики Саддама Хусейна так, как они уже были освещены Соединёнными Штатами – такие, как вторжение в Кувейт, прежние нарушения резолюций ООН, якобы имеющееся оружие массового уничтожения и связи с террористическими организациями – Аснар указывает на связи своего правительства и партии с мощным союзником.

Это уже само по себе может рассматриваться как легитимная политика, но это также показывает политическое «фамильное сходство» Буша и Аснара как дружественных политиков-консерваторов. По той же причине гораздо меньший акцент делается на серьёзные нарушения прав человека со стороны Саддама Хусейна – это было бы более типично для оппозиции.

- Подчёркивая опасность «для всех нас» от возможного использования террористами оружия массового уничтожения, полученного якобы благодаря их связям с Саддамом Хусейном, Аснар выказывает законную озабоченность ответственного лидера и в то же время намекает, что оппозиция такой озабоченности не проявляет и, следовательно, пренебрегает своей ответственностью перед обществом.

Конечно, можно сформулировать и некоторые другие импликации, но суть ясна: то, что Аснар говорит о Саддаме Хусейне, имеет мало общего с его личным или «настоящим» мнением о диктаторе. Скорее это связано с общей стратегией легитимации войны против такого тирана. Политические импликации такого отрицательного представления другой стороны (диктатора), таким образом, является также способом положительного представления своей позиции и политики, а, следовательно, политики его партии и правительства и в то же время унижением политики оппозиции. Детальное негативное описание ужасных нарушений прав человека Саддамом Хусейном не удовлетворило бы требованиям политических функций: они бы не совпали с основными аргументами США, противоречили бы международным нормам (которые не позволяют устранять ужасных диктаторов) и слишком сильно совпадали бы с отношением оппозиции. Действительно, могли бы начаться неудобные вопросы о том, почему раньше США поддерживали Саддама Хусейна – например, поставками отравляющего газа и других вооружений – когда этот диктатор был их союзником против Ирана. Другими словами, негативная презентация другой стороны в политическом дискурсе – это не просто описание плохого парня, а политически уместная подборка и выделение релевантных на данный момент «плохих» черт, которые необходимо выявить в дискурсе. Анализ политических импликаций проясняет такие тонкие «тактические» обоснования.

Мир, безопасность и терроризм

Лозунг Аснара в этих дебатах, в обобщённом смысле, звучит как *paз y seguridad*, мир и безопасность, и этот лозунг повторяется в разных формах по ходу его выступления, как в следующих примерах:

(10) Primero, el Gobierno está trabajando por restablecer la paz y la seguridad. El interés del Gobierno es obtener una situación de paz con seguridad.

Во-первых, правительство работает над восстановлением мира и безопасности. Интерес правительства в том, чтобы достичь мира и безопасности.

(11) Desearía que convinieran conmigo en que una postura firme y resolutiva para desarmar a Irak en un plazo inmediato es lo responsable, lo lógico e inteligente

para las aspiraciones de paz y seguridad de la comunidad internacional, que también son las de nuestro país.

Мне бы хотелось, чтобы вы согласились со мной в том, что жёсткое и решительное отношение к разоружению Ирака в кратчайшие сроки – единственное ответственное решение, наиболее логичное и разумное для достижения мира, которого ожидает международное сообщество, в том числе и наша страна.

Первая часть двойного выражения соответствует основным ценностям и разделяется большинством оппонентов Аснара, даже если они не совсем пацифисты, а выступают только против *этой* войны. Это практически непреступная ценность, цель и принцип. Однако, интересным этот лозунг делает именно комбинация со вторым понятием, и это характерно для консервативного правительства, как и в вопросе об иммигрантах, и вполне соответствует аналогичным лозунгам в США и Европе: безопасность стала ключевым словом в политике после 11 сентября, даже в тех областях, которые не имеют особого отношения к терроризму. Во многих странах гражданами манипулируют, заставляя их верить в то, что общество становится всё более небезопасным и мобилизуя их на поддержку какого-нибудь драконовского урезания их гражданских прав. И правительства, и СМИ очень избирательно (и с благодарностью) фокусируют внимание на терактах, непрерывно поддерживая в людях страх. То, что гораздо больше граждан гибнет от других причин, которых можно было бы избежать с гораздо меньшей затратой средств и ограничением свободы, в таких воинственных идеологиях, конечно же, не рассматривается. Таким образом, если мы прочитаем этот лозунг так, как его следует понимать – *Мир, **НО** безопасность* – то он сразу принимает более прозрачную форму известного опровержения, явной уступки, в которой первая часть удовлетворяет стратегии положительной самопрезентации («мы хотим мира», «мы мирные»), что сравнимо с известным приёмом в опровержениях расистов («мы не расисты»). И тогда наиболее важная вторая часть становится наиболее существенной целью дискурса, совпадающей с общей стратегией известного текста на тему безопасности и разговора о состоянии национальной безопасности в целом. Дальнейший анализ того, каким образом терроризм служит Бушу, его партии, бюджету Пентагона, урезанию гражданских свобод и особенно бизнесу, связанному с войной и обеспечением безопасности, здесь не нужен. Такой анализ уже был сделан многими другими авторами.

Помимо общесемантического и политического анализа этого опровержения, нам также важны политические импликации этого лозунга: как это служит Аснару здесь и сейчас? И здесь мы снова становимся свидетелями того, что фундаментальная контекстуальная стратегия заключается в положительной самопрезентации перед публикой или избирателями в целом с одной стороны и унижением оппозиции – с другой стороны. Так же, как «Закон и порядок» является лозунгом борьбы с преступностью и подчёркивает внедрение консервативных ценностей, «Мир и безопасность» вызывает чувство

страха у людей, ощущающих опасность и нуждающихся в сильном правительстве, которое в первую очередь удовлетворит фундаментальную потребность в безопасности. Аснар, Буш и Блэр знают, что большинство граждан – как и они сами – не очень-то беспокоятся в повседневной жизни о том, что происходит в Ираке или на Среднем Востоке, не озабочены оружием массового уничтожения и, возможно, даже войной в какой-то другой части света. Следовательно, чтобы сделать силовую политику и войну легитимной, важно воспользоваться таким неопределённым и общим понятием, которое имело бы значение для многих людей: ощущение опасности и безопасности. В примере (10), таким образом, лозунг заключается не в том, что Аснар и его правительство просто хотят мира и безопасности, но что они активно занимаются их обеспечением (*‘trabajando’*). В то же время, отсюда выводится политическая импликатура: если оппозиция хочет только мира, она не предлагает того, что людям нужно больше всего – безопасности. Таким образом Аснар имплицитно может дисквалифицировать левую оппозицию как обычных пацифистов.

Эти импликации функционируют и на местном уровне – то есть, они релевантны в политическом контексте Испании – когда Аснар косвенно, а иногда и прямо, связывает Ирак и Саддама Хусейна с международным терроризмом, а международный терроризм с местными террористами из ЭТА. Мир в таком контексте может быть не очень подходящим термином, а вот безопасность – безусловно. Другими словами, лозунг одновременно выполняет политическую функцию как способ подчеркнуть положительную роль консервативного правительства в борьбе против ЭТА, что показывают и другие пассажи из выступления Аснара:

(12) ... este Gobierno ha querido desempeñar un papel activo en esta crisis internacional pensando en la nueva amenaza que hoy supone el terrorismo, especialmente si tiene a su alcance medios de destrucción masiva.

... наше правительство желает сыграть активную роль в этом международном кризисе, осознавая новую угрозу, которую представляет собой терроризм в наши дни, особенно когда он имеет доступ к оружию массового уничтожения.

(13) ... el Gobierno entiende que hay un riesgo gravísimo y un vínculo amenazador entre la proliferación de armas de destrucción masiva y el terrorismo. Sé bien que no es agradable precisar estos riesgos, pero sé muy bien que no estamos hablando, señorías, de ninguna fantasía. No son hipótesis de ciencia ficción. Hemos visto hace pocos días en Londres y también, por desgracia, en Barcelona que hay grupos terroristas dispuestos a atacar causando el mayor daño y destrucción posibles y que cuentan con sustancias que podrían causar centenares, si no miles, de muertos. Después del 11 de septiembre ningún gobernante responsable, ante su conciencia y ante su país, puede ignorar esta realidad.

... правительство понимает, что есть очень серьёзная опасность и угрожающая связь между распространением оружия массового уничтожения и терроризмом. Мне хорошо

известно, что определять эту опасность крайне неприятно, но мне также известно и то, что мы говорим не о каких-то фантазиях. Мы уже видели несколько дней назад в Лондоне и, к сожалению, в Барселоне, что существуют террористические группы, готовые к нападению с причинением максимального ущерба и разрушений и которые располагают веществами, способными убить сотни, если не тысячи, людей. После 11 сентября ни один ответственный лидер не может игнорировать эту реальность перед лицом собственной совести и собственной страны.

(14) La lucha contra el terrorismo es el principal objetivo, apoyado por las fuerzas parlamentarias, de la política exterior española. Hemos impulsado la lucha contra el terrorismo y contra la proliferación de armas de destrucción masiva en nuestras relaciones bilaterales y en todos los foros internacionales.

Борьба с терроризмом при поддержке парламентских сил – основная цель международной политики Испании. В наших двусторонних отношениях и на всех международных форумах мы настаивали на борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения.

(15) España ha impulsado con toda sus fuerzas estas políticas y vemos con satisfacción cómo la lucha contra estas lacras ha escalado posiciones en la agenda de la comunidad internacional hasta convertirse en objetivo básico de ésta. Sabemos que ello nos ayudará – ya lo está haciendo – en nuestra lucha contra el terrorismo de ETA y creemos que es un deber específico de España ofrecer su cooperación a otros países señalados por el terrorismo. Creo que la pasividad ante estas nuevas amenazas es nuestro mayor peligro.

Испания энергично проводит такую политику, и мы с удовлетворением видим, как борьба с этой чумой стала приоритетом в международной политике и даже её основной целью. Мы знаем, что это поможет нам – и уже помогает – в нашей борьбе против террористов ЭТА и убеждены, что особый долг Испании – предложить своё сотрудничество другим странам, подвергшимся нападениям террористов. Я убеждён, что пассивность перед лицом этой новой угрозы представляет для нас наибольшую опасность.

Эти примеры едва ли нуждаются в контекстуальном и политическом анализе. Международный терроризм стал основным аргументом политики безопасности Буша, Аснара и других лидеров, особенно в связи с оружием массового уничтожения. Но, хотя для них одного этого достаточно, чтобы оправдать начало войны, Аснару на местном уровне нужно нечто большее. Поэтому он систематически подчёркивает важность своей политики для страны, выстраивая связь с местными террористами ЭТА. Поскольку население в целом, как и социалистическая оппозиция, в основном согласны бороться против ЭТА, совершающей политические убийства, Аснар стратегически использует этот аргумент, чтобы поддержать более широкую, международную борьбу с расизмом (см. прим.4), утверждая, что это будет иметь значение и для страны. То, что международный терроризм и тем более Ирак не имеют никакого отношения к акциям ЭТА для данного аргумента, конечно же, иррелевантно, и

поэтому используется общее понятие «терроризм» – известный приём амальгамации. Другая политическая импликатура – обвинение оппозиции в несостоятельности: если вы против терроризма ЭТА, вы должны также активно бороться с международным терроризмом. В последнем предложении фрагмента 15 он фактически делает свою импликатуру несколько более явной: опасность состоит в *бездействии*.

Интересно, хотя и типично то, что благодаря известному приёму конверсии главной проблемой для Аснара становится не терроризм, а пацифизм. Наконец, отметим, что тема борьбы с терроризмом, таким образом, превращается в стандартный аргумент, не нуждающийся в дальнейших доказательствах, то есть в догму, которую можно применять в любом споре, например, для увеличения оборонных расходов, вступления в войну и урезания прав человека – всё для того чтобы обеспечить безопасность.

Когда международный терроризм всё же нанёс удар по его стране годом позже, 11 марта 2004 г., взорвав поезд в Мадриде, в результате чего погибло 190 человек, Аснар вроде бы получил нужное ему «доказательство» – а именно то, что международный терроризм является проблемой и для Испании. Однако, по иронии судьбы и по тем же причинам, которые упоминались выше – мнимая амальгама международного («исламского») терроризма и терроризма ЭТА – Аснар поначалу хотел убедить СМИ и население в том, что эти атаки были совершены ЭТА с явной целью укрепить свою агрессивную политику, направленную против ЭТА, и получить голоса избирателей. Однако население и СМИ не поддались на такую явную манипуляцию за два дня до национальных выборов и проголосовали против премьера. Тем не менее, независимо от общественного мнения, важно уже то, какие импликации мы можем вскрыть в выступлении Аснара от 5 февраля. А именно, мы выясняем, что всегда необходимо увязывать внешнюю и внутреннюю политику и стратегию с целью получить голоса избирателей и опорочить политических оппонентов. Отсюда и связь с ЭТА, и упор на *национальную* безопасность и чувство спокойствия граждан. Фактически, это в основе своей та же самая стратегия, к которой прибегал Буш в США для легитимации войны против Ирака.

Другие стратегии

Этими примерами политической риторики Аснара мы не только показали некоторые общие свойства политического дискурса и стратегии легитимации, такие, как положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, но также некоторые принципы, лежащие в основе контекстуальной интерпретации такого дискурса в виде политических импликатур. Прочие стратегии и тактические ходы в речи Аснара функционируют аналогичным образом, и поэтому их можно обобщить кратко.

Интернационализм

Аснар систематически ссылается на ООН и мировое сообщество, прежде всего, с целью узаконить войну и свою поддержку её как благотворное явление для всего мира, который, по словам Буша, Блэра и К°, будет «безопаснее без

Саддама Хусейна», а во-вторых, чтобы скрыть тот факт, что войну не поддерживают ни ООН, ни Совет Безопасности:

(16) El Gobierno ha mantenido desde el comienzo de esta última crisis una postura coherente con la legalidad internacional, la defensa de los intereses de la nación y sus obligaciones internacionales, por este orden.

С самого начала последнего кризиса правительство занимало адекватную позицию по отношению к международному праву, защите интересов страны и её международных обязанностей – в таком порядке.

Политические импликации данного примера явно проступают в расставленных Аснаром акцентах не только на то, что его политика легитимна – а, следовательно, цели оппозиции не соответствуют нормам международного «права» – но ещё и на то, что правительство в первую очередь думает о национальных интересах, и, следовательно, международное вмешательство в интересах граждан Испании. Это ещё один политический намёк на то, что противники этой политики не работают на интересы испанских граждан. Действительно, здесь и в других фрагментах Аснар фактически подчёркивает, что оппозиция ставит себя вне мирового консенсуса – известный приём *конверсии* в ситуации, когда известно, что именно эту воинственную политику Буша и самого Аснара ненавидят практически во всём мире. Отсюда его поддержка резолюций ООН – всего лишь политическая отговорка. В то же время, акцент на интересах страны играет также роль противовеса возможной критике, даже со стороны собственной партии, в том, что «интернационализм» может быть несовместим с «национализмом» справа и с интересами собственного народа – слева.

Игра в числа

Известная уловка в споре – это игра в числа, с которой мы знакомы по риторике, направленной против иммиграции. В речи Аснара игра в числа выполняет несколько функций, например, придания объективности и точности, а, следовательно, достоверности и, особенно, акцентирования несогласия Саддама Хусейна с международными резолюциями. Игра в числа – это также риторический приём акцентирования и гиперболы:

No ha dado cuenta del agente nervioso VX producido y no declarado (Rumores.); no ha explicado el destino de 1.000 toneladas de agents químicos que conservó tras la guerra con Irán; no ha dado cuenta de 6.500 proyectiles para carga química; no ha demostrado la destrucción de 8.500 litros de ántrax; no ha detenido la producción de misiles con un radio de más de 150 kilómetros: no ha revelado el destino de 380 propulsores de misiles con agentes químicos que fueron introducidos de contrabando en el país el mes anterior.

Он [Ирак] не отчитался по нервно-паралитическому газу VX, который производился, но не декларировался (Шум в зале); он не объяснил, куда делись 1000 тонн химических реактивов, оставшихся со времён войны с Ираном; он не отчитался о 6500

артиллерийских снарядах, снаряжённых отравляющими веществами; он не продемонстрировал уничтожение 8500 литров препарата сибирской язвы; он не прекратил производство ракет дальностью свыше 150 километров; он не сообщил, куда делись 380 двигателей для ракет, способных нести химические боеголовки, которые были контрабандно ввезены в страну месяц назад.

Очевидно, точные числа здесь значения не имеют – тот факт, что даже спустя несколько недель после оккупации Ирака ничего этого не было обнаружено, показывает, что эти числа в основном либо выдуманы, либо относятся к каким-то безвредным химикатам. Политический смысл и импликация этой игры в числа, однако, заключается в риторике объективности и достоверности – Аснар показывает свою информированность, то, что он в курсе дела. Оппозиция в этом случае проигрывает ему, поскольку не может бросаться числами в поддержку своей пацифистской политики. В то же время, Аснар несомненно использует эти «факты» как доказательство скверного характера Саддама Хусейна, что является ещё одним аргументом в поддержку войны. Следовательно, игра в числа – пример более общей стратегии, которую можно обозначить как «фактичность». Эта стратегия играет роль не только в аргументации и легитимации, но и в контексте политического взаимодействия, а именно – сигнализирует о правдивости и точности, а, следовательно, о компетентности и достоверности. Факты как таковые большого значения не имеют: политическая цель – выглядеть внушающим доверие. То же самое можно сказать и о значительной части медиадискурса.

Консенсус

Известным политическим приёмом является консенсус (см. прим. 5), то есть просьба или подтверждение того, что политика не является партизанской, а направлена на защиту государственных интересов и, следовательно, должна быть поддержана оппозицией. Так, Аснар использует эту уловку в связи с единодушно принятой резолюцией ООН № 1441, которая теперь выдвигается вместе с просьбой о поддержке действий против Ирака. Но, как и в случае с иммиграционной политикой в Испании и других странах, «угрозы» извне обычно сопровождаются призывами к национальному консенсусу. Так и здесь, когда Аснар требует национального единения в борьбе с терроризмом. Политическая импликация этого хода в том, что оппозиция и вообще недостаточная поддержка правительственной политики фактически означает действия вопреки государственным интересам и вопреки политическому здравому смыслу – тем самым дискредитируя оппозицию. Несколько более сильная разновидность этого приёма – необходимость: у нас нет другого выбора, кроме как с честью выполнить наши международные обязательства. Это не только широко известная и эффективная семантическая стратегия, но ещё и очередная политическая импликация: Аснар серьёзно относится к своим международным «обязательствам» и, следовательно, он – честный государственный деятель, а вот «пацифистская» оппозиция, наоборот, ничего этого не делает.

Есть целый ряд других приёмов, используемых в речи Аснара и выполняющих аналогичные функции, но приведённых выше примеров вполне достаточно для иллюстрации природы воинственной риторики и легитимации Аснаром войны в Ираке, как и для указания на релевантность понятия политической имплицатуры.

Несколько слов в заключение

Хотя в этой главе невозможно уделить должное внимание всем структурам, приёмам и стратегиям, применяемым в речах Аснара перед парламентом по вопросу об Ираке, мы теперь имеем хотя бы общее представление о некоторых основных характеристиках этих выступлений. Неожиданностей в этих выступлениях немного, поскольку большинство ходов и стратегий – классика политических и идеологических текстов и выступлений, например, положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, а также целый ряд знакомых риторических и аргументационных уловок, таких, как использование статистики или чисел, консенсус, интернационализм, обращение к авторитетам, сравнения и примеры, оправдывающие текущую политику. С теоретической точки зрения, однако, интереснее понятие «политической имплицатуры», основывающееся на выводах из совокупности политических знаний и моделей текущей политической ситуации. Применительно к Испании это означает не только то, что участникам дискурса необходимо обладать общими знаниями о текущей политической ситуации в Испании, представленной в их эпизодических мыслительных моделях, но и знать контекстуальные модели, которые управляют самой речью Аснара и включающие установки, участников, цели и т.д. Эти имплицатуры представляют собой политический «подтекст» этих выступлений и то, как он хочет, чтобы аудитория его понимала. Помимо этого, политические имплицатуры – это то, что определяет *функции* выступления в политическом процессе и сосредоточены в основном на роли Аснара как премьер-министра и партийного лидера, а также на легитимности его правительства и его международной политики. В то же время, имплицатуры выполняют функцию очернения и нападок на оппозицию в социальной сфере. Именно такой *политический* анализ выступления может внести вклад в изучение функции выступления в политическом процессе.

Список литературы:

- Atlas, J. D. *Logic, Meaning and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and the Semantics/Pragmatics Interface*. New York: Oxford University Press, 2000.
- Borch, F. L. and Wilson, P. S. *International Law and the War on Terror*. Newport, R. I.: Naval War College, 2003.
- Chomsky, N. *Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance*. New York: Metropolitan Books, 2003.
- Christopher, P. *The Ethics of War and Peace. An Introduction to Legal and Moral Issues*. Upper Saddle River, N J: Pearson/Prentice Hall, 2003.
- Daalder, I. H. and Lindsay, J. M. *America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy*. Washington, DC : Brookings Institution, 2003.

- Dinstein, Y. *War, Aggression and Self-Defense*. Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press, 2001.
- Falk, R.A. *The Great Terror War*. New York: Olive Branch Press, 2003.
- Gazdar, G. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. New York: Academic Press, 1979.
- Grice, H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
- Levinson, S. C. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- Martín Rojo, L. 'Division and Rejection: From the Personification of the Gulf Conflict to the Demonisation of Saddam Hussein'. *Discourse & Society* 6(1): 49–79, 1995.
- Newhouse, J. *Imperial America. The Bush Assault on the World Order*. New York: Knopf, 2003.
- Rodín, D. *War and Self-Defense*. Oxford: Clarendon Press and New York: Oxford University Press, 2002.
- van Dijk, T. A. 'Principles of Critical Discourse Analysis'. *Discourse and Society*, 4(2), 1993: 249–83.
- van Dijk, T. A. *Ideología y discurso*. Barcelona: Ariel, 2003.
- Waltzer, M. *Arguing about War*. New Haven, CT: Yale University Press, 2004.

Перевод А.М.Аматова

Примечания:

¹ Парламент в Испании (прим. переводчика).

² Под импликацией здесь подразумевается не логическая операция ($p \Rightarrow q$), а семантическое следование, т.е. значения и смыслы, которые можно непосредственно вывести из того или иного высказывания. Импликатуры же следует понимать как скрытые семантические импликации, т.е. неявные следствия из высказываний (прим. переводчика).

³ Соотв., «страх» и «оружие массового уничтожения» - исп. (прим. переводчика).

⁴ Видимо, здесь всё же имеется в виду борьба с терроризмом (прим. переводчика).

⁵ Жителям бывшего СССР, заставшим времена перестройки, это должно быть известно очень хорошо (прим. переводчика).

SVIATLANA SAVANOVICH, EGOR PEREVERZEV

svetlan@yahoo.com

egorpereverzev@gmail.com

DISCOURSE APPROACH TO COORDINATION OF INTERNATIONAL BUSINESS PROJECTS

(based on industrial construction project between Chinese private
company XY Group and Belarusian state-run concern Bellesbumprom)

Since the beginning of 2007 we have been engaged in the implementation of a large-scale international construction project carried out by the Chinese-American industrial commercial company Xuan Yuan Industrial Development Co., Ltd (XY Group) and the Belarusian state-run Concern of Woodworking Enterprises Bellesbumprom. The project was initiated by XY Group and the Embassy of the Republic of Belarus in the People's Republic of China. Its initial objective was to construct five wood-processing plants by the Chinese company for the woodworking enterprises united by the concern in Belarus. Within the scope of the project XY Group was planning to act as a general contractor while the Concern Bellesbumprom was the owner of the project. The financing was to be obtained from one of Chinese banks by Bellesbumprom with Belarusian state guarantee and with the support of intergovernmental agreements.

Notwithstanding the mutual interest, the depository consent to provide the loan for the construction works, the agreements achieved during the preliminary meetings in Minsk and Beijing as well as the active role of representatives of the Embassies of the two countries and officials the negotiation process slowed down and finally stopped.

Issue

Due to the lack of experience of XY Group in large-scale cooperation with post-Soviet countries, the company (mainly the Beijing office that started the negotiations) was not fully prepared for multi-level projects. Inexperience led to the slowdown of negotiations, exponential growth of inefficient correspondence and expensive meetings both in Belarus and China that brought no sufficient results. On the other hand, due to the fact that the new Belarusian economic system largely inherited the methods and approaches of that of the Soviet Union (where all large-scale industrial construction projects were organized by central government in Moscow) the management of the enterprises in Bellesbumprom adapted the similar attitude shifting the responsibility to the officials of the Concern who lacked the necessary competence in the sphere of international cooperation. The further attempts to overcome the complete standstill led to more inquiries, requests of information, growth of expenses for translation of the voluminous documentation etc.

Besides, as it became evident later, the Belarusian governmental institutions had little experience of non-linear cooperation within strict time limits. However, the high rank of the chairman of Bellesbumprom (equal to the rank of a Minister in the Belarusian government) provided hope for the possible achievement of progress.

After a number of consultations between the San Francisco Headquarters, central Chinese office in Harbin and Beijing office the top management of the company decided to support the proposal of the vice-president Xue Hailong to establish a new department aimed at developing cooperation between XY Group and former republics of the Soviet Union. The new department consisted of Chinese, Belarusian, Russian, Tajik and Uzbek managers experienced in different areas of international business (international trade and business, international relations (diplomacy), interpreting, social science (cross-cultural communication)). For a start the staff of the new department was given the task to study the Belarusian project situation, to prepare the plan of actions basing on practical solutions for its problems aimed at “reloading” the project, accelerating the processes of the initial stage in order to create all the necessary conditions for signing the preliminary agreements not later than in the third quarter of 2007. The head of the department was granted the right to convene meetings and form working commissions including members of other departments of the organization.

Objectives

The goal was set to carry out the necessary research both among the Chinese and Belarusian departments that participate in the project in order to define the main problems on the way to implementation of the project, draw and present the plan of their solution, in such a way accelerating the stage of signing the documents.

Within the goals scope the following tasks were defined by us:

1. To research the communication within the project and define its structure and elements in terms of business, intercultural and institutional discourses of the participants.
2. To define the key problematic points (communicative, cultural, institutional, other), their aspects and characteristics.
3. On the basis of the facts obtained during the research to elaborate the block of practical solutions aimed at solving the major problems and launching the documentary stage.

The elaborated solution had to be adequate to the conditions of the project: its informational multicultural environment, communicative challenges as well as complex character of its major problems (Nodoushani, 1996).

Research method

After the groundwork research we put forward a hypothesis that changed the character of the further investigations and led us to the choice of adequate methods and theories on the way to solution. The hypothesis was that due to the scale of the project, the involvement of different institutions and organizations (trade, industrial, technical, financial, legal etc) in two countries, the major problem that faced the project was the problem of organization of effective long-term communication

between the parts. Thus, from commercial and technical areas the problems of the project were transferred mainly to such spheres as cross-cultural business communication, management communication, organizational communication and corporate communication. From the theoretical point of view the business problem became relevant to the field of cross-cultural interaction, cultural interdiscourse processes and institutional communication in international environment. In order to create a realistic, factual-based solution that could challenge the negative outcomes of the previous project activities, we had to build an interdisciplinary bridge connecting the theories that concern the problems of organization and management within business or institutional structures and the complex scientific area that puts the ideas of cross-cultural international communication in the center of its research.

Theoretical frameworks

At the first stages of its development, the area of communication knowledge was referred to as largely irrelevant to the problems of modern knowledge on business, management and organizational theory. However, later research in the field showed that managers of companies spent totally more than 60% of their time engaged in various types of communication (Stewart, 1967, 1976). On the later stage of development of interest towards communication as a resource for managerial and organizational knowledge more researchers of management turned to the problem of communication (Kotter, 1982, Luthans and Larsen 1986, Yates 1989). The role of communication and its various technological types was discussed in early works of H. Mintzberg (1973, 1975).

The development of approaches to organization and management as complex multidimensional (communicative) systems is largely connected with works of P. Druker (1973). From the conceptual point of view Druker provides new central ideas in the form of management by objectives and managerial elite that became central points for many of his works (Vihansky and Naumov, 2003).

The complex nature of organization has become the main topic of so-called “contingency theories” (Woodward, 1981; Fiedler, 1987; Scott 2002). The concept of communication context (analysis of situation, situation-based approach, estimation of potential to change and will to create the necessary changes depending on context) was introduced, however in many cases leaving the basic visions of organization and management intact.

However with the development of international business the new forms of collaboration have emerged that challenge the fundamental visions of organization either from the point of view of structure or inner and outer factors of determination. In order to develop a managerial vision that would correlate with the developments in the present-day globalizing economy (changing of organizational structures, organizational hierarchies, emergence of new cross-cultural regimes of business and organizational communication, etc. (Hardy and Phillips, 2002)) we decided to turn to the new area of business studies connected with the modern discourse theory.

The common point for the variety of approaches of discourse analysts towards organization was, according to J. Law (1994) “the key element of these perspectives is that organization is not a stable and static social order but an ongoing process of

ordering”. Summarizing the relations between discourse analysis and organizational studies, one of the leading scholars in the field of CDA (Critical Discourse Analysis) N. Fairclough mentioned: “studies of organization need to include analysis of discourse” (2005). The complex methods of organizational research by means of discourse theory were discussed in works by Doolin (2003), Bergstrom and Knights (2006), Vaara and Tienari (2002), Taylor and Robichaud (2004), Philips and Hardy (2000), etc.

In the sphere of management the influence of communicative turn and the postmodern theories describing the social reality (e.g. Baudrillard, 1981) contributed to the development of the set of ideas concerning the problems of communicative nature of management process (Nodushani, 1996) as well as role of discourses in formation of managerial identity (Sveningsson and Alvesson, 2003).

Nowadays the actual trends towards interdisciplinary approach both within social sciences and between “hard” and “soft” scientific theories show that scientific instruments of social sciences may be relevantly applied for diagnostics, understanding and solving of problems within such spheres as management, organizational studies (by this term we also mean the relevant spheres of organizational, managerial and business communication), strategic management and marketing, theories of leadership etc. It is also obvious that the classic approaches to cross-cultural communication in the sphere of international business may also bring benefits to the above mentioned areas. The discourse theory that serves as a common ground for the development of this interdisciplinary domain may as well provide new opportunities for the managerial and organizational science to overcome the mechanistic understanding of organization as a system that has input, processing and output and to form the effective interdisciplinary domain of knowledge where organization is seen as a process of “organizing” and where the actors may be analyzed from the point of view of both their individual goals and the complex rotation of power\knowledge (Rouse, 2005) in the social field (Bourdieu, 1998).

Investigation

Grounding the method

During the first stages of discussing the strategy, the critical analysis of the preliminary information including the correspondence, meeting transcripts, drafts of financial documents, showed that the main pitfalls on the way to project were hidden in the system of organizations and subjects that took part in the project. It was decentralization of power, lack of experience in multinational cooperation, lack of language and communication skills as well as lack of cultural knowledge that led to the delays in preparations. On this basis it was suggested that a strategy based on changing the patterns of communication between the parts may be the solution to the problem. As R. Eccles and N. Nohria (1993) put it: “the effective use of strategic language can galvanize organizations into action and, thereby guarantee financial success”. However, the problem of the way in which an organization can create transformations on the platform of a new strategy has been largely unsolved both in theory and in practice (Minzberg, 1994). In this regard we had to make a further step into theory and the question of connection between the talk and the action (Hardy et

al, 2000) and thus came to the notion of discourse in organization, management and cross-cultural communication as a unifying platform for largely uncoordinated set of theories and applied methods in social sciences and humanities. Based on interdisciplinary knowledge of the members of the department as well as the academic resources provided by some of the colleagues we came to the conclusion that communicative discourse theory may be the creative platform for elaboration of the new approach to international business project development. As Hardy et al (2000) put it: “it is possible for individuals to engage in discursive activity and to access different discourses to generate new meanings that help – or hinder – the enactment of particular strategies”.

There were also two important reasons that determined the choice of communicative discourse-analytical interdisciplinary approach instead of one of the “classical” applied theories we considered above.

First, when the department was formed it turned out that its members possessed the unique combination of business, managerial, organizational, communicative and intercultural skills that made it possible to overcome the isolation of separate theoretical approach and create the really creative, interdisciplinary environment. The communicative discursive approach did not reject some of the useful skills of the “classical” theoretical viewpoint. Instead it provided the most effective intellectual platform to combine the classical approaches to organization and management with the new conditions (globalization, informational society, intercultural environment).

Secondly, the profound positivist theories of management widely spread within modern business schools had been elaborated and tested mostly in American and Western European business environment. In order to face the challenges of mutual cooperation between two developing countries (Lieberthal, 2004) we needed the flexible set of theories corresponding to the optimal combination of the team skills and adequately responding to the postmodernist (Lyotard, 1984) vision of economic and cultural conditions in modern society. In this regard the special meaning is attached to the cultural element of international business cooperation. The discursive method helped not to focus on the attached “meanings” of communicative cultures and helped to look at both their flexible nature and functioning in the system of intercultural relations.

Plan of action

We had a chance to study the previous work done in order to develop the project. Among the other reasons for the failure of the previous work there were named the following:

1. Inconsistent approach of the managers of XY Group to the unknown cultural and communicative environment. Much of the documentation was presented in Chinese or poorly translated into English. The telephone calls were conducted in English that virtually excluded the Russian-speaking Belarusian managers from the direct communicative process.

2. Institutional coordination problem. Although the project was initiated on the level of Belarusian Ministry of Foreign Affairs and the head of “Bellesbumprom”

had the rank equal to that of a minister, the implementation of the project needed coordination between several power institutions, such as Central Bank of Republic of Belarus, Ministry of Finance, Ministry of Industry and Energy, Ministry of Foreign Affairs. The Chinese company lacking experience and knowledge of Belarusian administration had no influence that could help to achieve effective cooperation between the above-mentioned institutions.

3. Documentary problem. From the very beginning the parts faced the problem of unification of the complex set of documentation including licenses and certificates for both materials and the industrial equipment that was produced under different standards. The Belarusian standards for quality and safety of industrial materials and equipment corresponded to those of Russia and former USSR and often did not match to either European or Chinese standards. Thus it was vital to provide conditions for establishing the dialogue that would guarantee that every stage of construction would be done in full conformity with the existing legislation.

4. Technical problem. The parts that initiated the project and started the discussion had comprehensive knowledge of legal and financial regulations; however the conditions of usage of equipment from the thickness of the walls to the functioning of electricity supply differed in both countries. It was necessary to provide conditions for dialogue between the technical specialists both in Belarusian plants of “Bellesbumprom” and Chinese equipment manufacturers. Instead the Chinese managers supplied overwhelming quantity of technical materials in Chinese and English language that caused delays. The proposal to use Microsoft Project software for organizing the work was rejected by Belarusian counterparts on the ground that the majority of managers did not have the necessary skills for using the software.

Work done and data collected

It was suggested that the analytical work should be divided into three complimentary sections:

1. Analytical research of corpus of communicative documentation by means of content analysis and discourse analysis
2. Interviews with the key leaders and managers of the project, analysis of the interview transcripts by methods of conversational analysis and discourse analysis.
3. Anonymous survey of the members of divisions in organizations participating in the project, analysis of results by means of quantitative sociology with application of critical discursive and culturological discourse analysis.

The first part of the analytical work was aimed at the research of communicative texts (correspondence, memos, draft agreements etc) by means of content analysis and discourse analysis. Among the other findings we came to conclusion that:

1. Around as much as 7% of information in correspondence was understood improperly, reduced or otherwise omitted due to its linguistic, cultural, institutional or other forms or incomprehensibility (both Belarusian and Chinese part often used the reduced communicative forms of English language that lacked proper grammar and vocabulary). Besides as the majority of the generation of elder experienced managers and technicians lacked the necessary English skills, the communication was supported

by inexperienced young managers many of whom (though could speak English) had little if any expertise in their professional field (Piller, 2009). However the attempts to use natural languages led to even more delays caused by slow translation of correspondence.

2. During the communication the parts kept using their specialized institutional language (including styles, genres, tropes, etc.) both for the correspondence with the foreign counterparts and other institutional organizations. In the multi-organizational, multi-level environment of the project this situation showed the necessity for more unified reporting documentation.

During the second part of the research, the members of the group conducted 9 interviews with key managers of the project from both Chinese and Belarusian parts. It was shown that:

1. Some key managers from Belarusian part express several widely-shared stereotypes concerning the quality of Chinese production. Among the Belarusian colleagues there was a shared opinion that despite the relatively low price, the Chinese equipment has a relatively low quality that will result in inevitable malfunctions and failures in the long run.

2. Some managers complained about the latent, concealed ways of Chinese business conduct. In spite of all the agreements and support of the Belarusian embassy, Belarusian leading managers were concerned about several aspects including price policies and quality control. The analysis also showed the relatively large amount of culturally-controlled shared meanings, stereotypes and attitudes in the judgments of the interviewed.

3. In their turn the analysis of the interviews of the Chinese managers showed the growing concern about the “excessively active”, “pushy” and even “aggressive” attitude of Belarusian colleagues as well as their sometimes biased attitude and lack of desire to establish the highly valued in Chinese business culture personal contacts *guanxi*. The analysis showed that the Chinese counterparts traditionally valued personal attitudes and relations as well as the involvement of high-ranking officials in the project (Graham and Lam, 2003).

The results of the anonymous questions provided the facts, supporting the hypothesis of communicative, cultural and linguistic nature of the problem of project development. The lack of previous experience of cooperation between the multiple divisions of organizations involved, as well as the specificity of their power relations led to the slowdown of the cooperative process and threatened its future. Among the key aspects of the analytical picture there were the following:

1. Relative isolation of the structural divisions of organizations involved in the project (the members of such divisions lacked the possibility to see the entire picture and did not feel committed to the project). Besides in such situation to many of participants the Chinese partners were seen through the filter of cultural prejudices, biased attitudes and other forms of exclusion leading to mutual misunderstanding, negation and contradiction.

2. The institutional incomprehension and misunderstanding. In the complex environment of simultaneous interaction between different institutions both within the boundaries of one nation state and beyond them the members of different

institutions that lacked the experience of mutual work, especially in cross-cultural conditions showed reluctance for cooperation and understanding. Thus technical departments of the factories had to go all the way up to the directors of the institutional departments to obtain the necessary information on certificates and licenses for Chinese machinery and equipment. This resulted in delays in supply of data for the preparation of the administrative part of the project. Besides the anonymous questioning showed negative attitudes between technical and administrative divisions.

3. Cultural and linguistic problems of comprehension leading to perception of Chinese ways of communication and culture as culturally alienated, semantically latent and Chinese partners as slow, lacking initiative and creativity.

The Table 1.1. shows the major problematic points that were revealed by research:

Table 1.1. Communication problems within the project

Documentary analysis	Interviews with managers	Anonymous questioning
Lost of information due to miscomprehension	Cultural alienation	Institutional miscomprehension
Institutional miscomprehension	Biased attitudes	Cultural alienation
Isolation from the “big picture”		Language problems

Conclusion

Both researchers in business communication and analysts of discursive processes in cross-cultural sphere acknowledge the fact, that it is typical for humans that some peculiar sets of coherent speech act may form more or less semantically, culturally, temporary stable systems of meanings (discourses). Within the special cultural, temporal and contextual frameworks, these systems may be used to create symbolic objects including identities, organizations and social institutions. Thus discourses serve as construction material for the building of culture and society and understanding of their nature and functions become a powerful tool for bringing in change in every domain of social life, including such spheres as management, organizations, business strategy and many others. On the other hand the notion of discourse provides opportunity to approach to the problems of cross-cultural business communication not from the point of view of researcher that seeks for “one and only true” meaning of cultures, but aims at understanding the dynamic and flexible nature of processes in which some meanings emerge into being and obtain the high status of shared opinions, universal truths, interiorized beliefs. It is this understanding that provides the new ways to create change not by forcing it, but by providing conditions for its natural free emergence. It is this approach that we attempted to realize in our work.

Implication of findings

On the basis of the research, including analysis of documents, interviewing and questioning the analytic group has come to several important conclusions.

Firstly we succeeded in proving the hypothesis that the major reason for the project delays lied in domains of culture and communication. We did not put the

responsibility on ill-organized management of the previous people that dealt with the problem (though that could also have been the case) as we later saw that they sometimes simply had not known where to start from or how to approach the problem. In this case we believe that the moderate social constructionist vision, empowered with the skills of discourse analysis provided us with an effective tool for analyzing and solving the complex organizational and managerial environment of an international business project. It was also important that during the process of problem-solving we were not in any sense limited or restricted by our approach. On the contrary, we could abstract away from efforts to understand the problem in terms of structures or some “genuine” true meaning of problem, and concentrate on analysis of live communication, people’s identities, major discourses, constructing behavior as well as relations of domination, bias, cultural alienation etc.

Secondly we succeeded in creating the team of managers of different cultural and academic backgrounds that was able to provide special solutions to organizational and managerial problems. The managers of the new department are currently working together as the company engaged in several international projects with Russia, Mongolia and Republic of Tajikistan.

We were also surprised to learn that it had not been the language that caused most of misunderstanding. The questioning showed that local isolation from the whole picture made people reluctant to look for new solutions of the emerging problems (as in case with the different standards for certification). Also in the complex environment with no defined center, cultural alienation, biased attitudes and institutional miscomprehension sometimes meant more than simple problem of understanding the complicated foreign language.

Recommendations of action

As the globalization processes are sweeping around the world, the new multicultural business projects are pushing the modern theories of organization and management to their limits. With the changes in organizational hierarchies and emergence of new forms of managerial and organizational communication in cross-cultural environment everything becomes important: culture, languages, time and domains of knowledge that provide for the situation. It may be the time when the new bridge between managerial and organizational knowledge and the wide interdisciplinary field of post-modern communicative theories will help to create effective models for both common business and common existence. The notion of discourse and discourse analysis as a base for such an interdisciplinary communication may help to build this bridge. However much more theoretical and practical work is needed to put this bridge on a solid base of effective scientifically grounded knowledge. We need to understand the complex interconnections between the discourses of culture and mechanisms of their interactions with subject’s identity. It is also important to understand the interplay between the discourses of organization and discourses of culture and how they interact on the cross-cultural level. Sometimes people from same institutions across the culture understand each other better than people from different institutions of the same culture. This provides new challenges and also new opportunities for those who will work in this new and exciting sphere.

Further work which may be indicated

The corpus of the academic work aimed at elaborating effective models combining social constructionist approach to managerial and organizational problems is growing. Simultaneously both discourse analysts and researchers in management and organization are moving towards each other, creating more and more interdisciplinary, cross-disciplinary and trans-disciplinary platforms for mutual understanding. In our project we made an attempt to combine two approaches and we have to admit that from both academic and practical points the work is far from completion. Though discourse analysis in management and organization theory is aimed at breaching the gap between positivistic constructivism and the real-life business practices, the following directions seem to challenge both researchers and practitioners:

1. Elaboration of flexible discourse models of organizational change based on real organizational and managerial experience and critical realistic scientific perspective

2. The problem of involvement of researcher into the play between discourses of culture and power that she\he has to analyze. How we may provide conditions for effective cross-cultural communication on the grounds of previous cultural experience, shared meanings, prejudice and bias?

3. Problem of managerial identity within the communication process of multinational projects and multinational organizations. How discourses change managerial identities, can we actively influence the process of formation and change of identities, what are the ways to do that?

4. Further research on mediation between discourse and organizational change. How a language put into special context may participate in the process of creation of symbolic objects that influence human behavior both in organizations and in the large frameworks of a culture.

References

- Althusser, L. (1971), 'Ideology and Ideological State Apparatuses' in Althusser, L. 'Lenin and Other Essays', London: New Left Review.
- Barthes, R. (1967), 'Le discours de l'histoire', Social Science Information, Vol.6, No.4.
- Baudrillard, J. (1981), 'Simulacres et Simulation', Paris: Galilee.
- Bergstrom, O. and Knights, D. (2006), 'Organization Discourse and Subjectivity: Subjectification during Processes of Recruitment', Human Relations, Vol. 59, pp. 322-367.
- Bourdieu, P. (1998), 'A Reasoned Utopia and Economic Fatalism', New Left Review, Vol. 227, pp. 25-30.
- Derrida, J. (1972), Marges de la philosophie, Paris.
- Deva, S. (1986), Crisis of Western Social Science. The social Fabric. Dimensions and Issues, Sage.
- Doolin, B. (2003), 'Narratives of Change: Discourse, Technology and Organization', Organization, Vol. 10, pp. 740-762.
- Druker, P. (1973), 'Management: Tasks. Responsibilities. Practices.', N.Y.: Harper and Row.
- Eccles, R. and Nohria, N. (1993), 'Beyond the Hype', Cambridge, MA: Harvard Business School
- Fairclough, N. (2005), 'Discourse Analysis in Organizational Studies: The Case for Critical Realism', Organizational Studies, Vol. 26(6), pp. 915-939.
- Fairclough, N. (1992), Discourse and Social Change, Cambridge: Polity Press.

- Fayol, H. (1949), 'General and Industrial Administration', N.Y.: Pitman, 1949
- Fiedler, F.E. and Garcia, J.E. (1987), 'New Approaches to Leadership, Cognitive Resources and Organizational Performance', New York: John Wiley and Sons.
- Foucault, M. (1982), 'The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language', Vintage.
- Foucault, M. (2001), 'The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences', Routledge.
- Graham, J. and Lam, M. N. (2003), 'The Chinese Negotiation', Harvard Business Review, Vol. 10; pp. 82-91.
- Hardy, C., Palmer, I. and Phillips, N. (2000), 'Discourse as a Strategic Resource', Human Relations, Vol.145, pp. 162-193.
- Kotter, J. (1982), 'The General Managers', NY, Free Press.
- Lacan, J. (1977), 'Ecrits: A Selection', London: Tavistock.
- Laclau, E. and Mouffe, C. (1985), 'Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics', London: Verso.
- Law, J. (2006), 'Organizing Modernity', Oxford: Blackwell.
- Levi-Strauss, C. (1974), 'Structural Anthropology', Basic Books.
- Lieberthal, K. (2004), 'Governing China from Revolution through Reform', NY: W.W. Norton and Company.
- Luthans, F. and Larsen, J. (1986), 'How Managers Really Communicate', Human Relations, Vol. 39, pp. 161-178.
- Lyotard, J.-F. (2000), 'The Postmodern Condition: A Report on Knowledge', University of Minnesota Press.
- Mayo, E. (1945), 'The Social Problems of an Industrial Civilization', Cambridge, Harvard University.
- Minzberg, H. (1994), 'The Rise and Fall of Strategic Planning', Prentice-Hall.
- Nodoushani, O. (1996), 'The Problems and Prospects of Postmodern Management Discourse', Management Learning, Vol. 27, pp. 346-364.
- Nooteboom, B. (1992), 'A Postmodern Philosophy of Markets', International Studies of Management and Organization, Vol. 22, No. 2, pp. 53-76.
- Phillips, N. and Hardy, C. (2002), 'Discourse Analysis: Investing Processes of Social Construction', Sage.
- Piller, I. (2009), 'Intercultural communication. The handbook of Business Discourse', Edinburgh University Press.
- Rouse, J. (2005), 'Power\Knowledge: The Cambridge Companion to Michel Foucault', Cambridge University Press.
- Saussure, F. (2006), 'Writings in General Linguistics', Oxford: Oxford University Press.
- Scott, W. D. (2007), 'Increasing Human Efficiency in Business: A Contribution to the Psychology of Business', BiblioBazaar.
- Scott, W. D. (2002), 'Organizations: Rational, Natural, and Open Systems', Prentice Hall.
- Shi, X. (2005), 'A Cultural Approach to Discourse', Palgrave Macmillan, New York.
- Stewart, R. (1967), 'Managers and their Jobs: a Study of Similarities and Differences in the Ways Managers Spend their Time', London: Macmillan.
- Sveningsson, S. and Alvesson, M. (2003), 'Managing Managerial Identities: Organizational Fragmentation, Discourse and Identity Struggle'. Human Relations, Vol. 56, pp. 1140-1163.
- Taylor, F.W. (1947), 'Scientific Management', NY: Harper and Brothers.
- Taylor, J. R. and Robichaud, D. (2004), 'Finding the Organization in the Communication: Discourse as Action and Sense-Making', Organization, Vol.11, pp. 380-399.
- Vaara, E. and Tienari, J. (2002), 'Justification, Legitimization and Naturalization of Mergers and Acquisitions: A Critical Discourse Analysis of Media Texts', Organization, Vol.9, pp.244-275.
- Vikhansky, O. and Naumov, A. (2003), 'Management', Moscow: Economist.
- Weber, M. (1947), 'The Theory of Social and Economic Organization', NY: Oxford University Press.
- Woodward, J. (1981), 'Industrial Organization: Theory and Practice', Oxford University Press.